

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»

На правах рукописи

Харченко Дмитрий Сергеевич

**Правовой порядок в информационном обществе: социально-
философский анализ**

47.06.01 Философия, этика и религиоведение

НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИССЕРТАЦИЯ)

Научный руководитель

доктор философских наук,
профессор

М.О. Орлов

Саратов – 2018

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Порядок как социально-философский концепт.....	13
1.1. Становление концепта порядка в философии.....	13
1.2. Институциональное измерение порядка.....	30
Глава 2. Динамика порядка в информационном обществе.....	50
2.1. Информационное и сетевое общество: детерминизм и амбивалентная взаимосвязь.....	50
2.2. Правовое регулирование в современном информационном обществе: опыт международного и российского законодательства.....	67
2.3. Основные перспективы трансформации институализации в информационном обществе.....	85
Заключение.....	101
Библиографический список.....	105

Введение

Социальный порядок в человеческом обществе существует столько же, сколько существует само общество. Природа социума такова, что для эффективного функционирования необходима чётко отлаженная иерархия, формализованная система взаимоотношений, система запретов, наказаний и поощрений. Эти и другие элементы формируют собой то, что мы называем «социальный порядок».

подавляющее большинство философов в той или иной мере задавалась вопросом, какова природа порядка, почему он существует, как его можно усовершенствовать и т.п. Однако, несмотря на то, что этот вопрос принадлежит к категории «вечных вопросов» философии, в современном обществе исследование проблемы социального порядка актуализируется процессами, происходящими в обществе в течение последних десятилетий. Эпоха конца XX начала XXI века это время новых глобальных системных трансформаций, когда старый порядок рушится буквально на глазах, а на смену ему приходят совершенно новый, ещё весьма слабо изучены порядок. Сложившаяся отчасти под воздействием глобализации, отчасти под воздействием информатизации общества, новая реальность диктует новые правила. Принципиальные изменения в характере экономического воспроизводства, характере человеческого труда, характере человеческих взаимоотношений и многих других сферах человеческой жизни требует формирования новых институциональных механизмов. Информационные технологии, изменившие, прежде всего сферу коммуникаций, заставляют категориально переосмысливать многие ставшие традиционными для социальной философии понятия, такие как социум, политика, политическая коммуникация и др. В тоже время, в нашу жизнь входит и совершенно новые понятия, которые ещё только предстоит осмыслить – сетевые революции, гибридные войны, электронная демократия, электронная экономика, криптовалюты. Многие традиционные проблемы в эпоху информационного общества предстают в новом ключе. Вместе с тем появляются и новые

проблемы, которые раньше перед человечеством не стояли в принципе. Так, вопросы, связанные с доступом к информации, защите персональных данных, кибер-преступлениями представляют собой эту новую область, в которой выстроить социальный порядок еще только предстоит. Бесспорно, глобальное информационное пространство, появившееся в последние десятилетия в нашем мире, является закономерной частью социального пространства в принципе и нуждается в социальной регуляции точно так же, как и всё остальное пространство человеческих взаимоотношений.

Трансформация социального порядка выражается в нескольких взаимосвязанных аспектах. Во-первых, разработанные в сети организации социального бытия переносятся в реальный мир в соответствии с принципами сетевого общества. Увеличение значимости горизонтальных социальных связей вначале утверждается в Интернет-взаимодействиях, а уже после этого переносится в реальность.

Сетевые технологии сегодня активно используются для организации массовых действий в реальном мире. Ресурсы Интернета позволяют за короткий срок мобилизовать потенциально неограниченные по численности социальные массы с целью организации, например, общественных беспорядков. Для обозначения революций и протестов, скоординированных посредством глобальной сети, появились специальные термины. В сети информация распространяется подобно вирусу и в этой среде каждый индивиды легко соединяются друг с другом, что позволяет за короткий срок распространить необходимую информацию, и тем самым мобилизовать адресатов сообщений, собрать их в одно время в одном месте и заставить выполнять определенные действия. Это технология флэшмоба яркого театрализованного представления, в котором принимают участие люди, зачастую незнакомые друг с другом, не знающие лично инициатора мероприятия и получающие указания в виде сообщений и постов в сети.

Мировая общественно-политическая мысль все больше склоняется к пониманию информационного общества как общей закономерности мирового развития: все возражения об информационном обществе носят

исключительно терминологический, а не концептуальный характер, потому что во всех этих теориях ключевую и главную роль играют знания, информация и информационная техника.

Информационно-технологическая революция, разворачивающаяся в последние десятилетия, определяет движение человечества к новому типу общества информационному. Информационные технологии становятся главной производительной силой в новой экономике производства материальных благ. Благодаря им возникает новый информационный способ производства, связанный с глубинными трансформациями в характере труда, отношениями собственности, изменениями социальной структуры и всех остальных подсистем общественной жизни.

При этом выясняется, что современные информационные технологии, по мере расширения их сферы применения в повседневной жизни общества, создают потенциальную возможность не только для углубления демократических процессов, но и тотального контроля за частной жизнью и манипулятивного воздействия на личность. В условиях существования открытых, легко доступных и легко наполняемых информационных сетей возникает проблема ограничения информации, считающейся социально и экономически опасной; проблема электронного распространения персональных данных, проблема информационного элитаризма, когда лишь часть населения получает доступ к новым технологиям и информационным ресурсам и в состоянии реализовать это преимущество; проблема информационного империализма, когда ту же проблему доступа к информации и управления ею большие страны используют против малых; проблема соблюдения авторских прав и прав производителей электронной информации. И это лишь часть принципиально новых социально-политических проблем, возникающих при определении стратегий информационной политики государства.

Таким образом, **актуальность настоящего диссертационного исследования** связана с необходимостью теоретического осмысления и эффективного социально-политического управления процессами,

возникающими под воздействием информационно-коммуникативных технологий.

Степень разработанности проблемы

Правовому регулированию информационной сферы присуща объективная новизна, система правового регулирования данной области общественных отношений сегодня находится на этапе своего становления. Соответственно, правовая наука также еще только формирует свое концептуальное видение специфики правового регулирования этой сферы¹.

Основное внимание сосредоточено на работах, посвященных информационному обществу. Использованы работы таких крупных теоретиков информационного общества как Ульрих Бек, Энтони Гидденс и Мануэль Кастельс. Так же привлекаются труды Элвина Тоффлера, Антонио Негри, Джеймса Бенигера, Фрэнка Вебстера, Присцилы Лопес, Майкла Бакланда, Джеймса Бойла, Сьюзан Кроуфорд, Питера Друкера, Марка Пората, Дарина Барни, Джима Руни, Фрица Махлупа, М. Гильберта и др.

Поскольку работа выполнена в рамках институционального и неинституционального подхода, задействованы работы таких исследователей как Дж. Димаджио П., У Пауэлл, Дж. Мейер, Б. Роуэн, Б. Ротстайн. Задействованы и работы отечественных авторов П.В. Панова, А.С. Перезоловой, Л.В. Сморгунова. Также использовались работы саратовской социально-философской школы: В.Б. Устьянцева, М.О. Орлова, С.М. Фроловой.

В литературе существуют работы, посвященные отдельным аспектам правового регулирования отношений в информационной сфере. Так, рассмотрение проблемы правоотношений в информационной сфере не может не опираться на достижения общей теории права и отраслевых юридических наук. Это обусловило использование в ходе диссертационного исследования работ по теории права таких авторов как Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева,

¹ См. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждена Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 года № Пр-1895 // Российская газета. 2000. -28 сентября. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002 2010 годы)», утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 // Документ не опубликован;

С.Ф. Кечекьяна, С.А. Комарова, А.В. Малько, Н.И. Матузова, В.С. Нерсисянца, Ю.С. Решетова, Р.О. Халфиной, А.Ф. Черданцева и др.

Ряд общих и специальных аспектов проблематики правового регулирования отношений в информационной сфере нашел отражение в работах таких специалистов, как И.Л. Бачило, М.И. Брагинский, А.Б. Венгеров, О.А. Гаврилов, В.А. Дозорцев, В.Н. Лопатин, В.Н. Монахов, Л.А. Сергиенко, Л.К. Терещенко, И.Д. Тиновицкая, А.А. Фатьянов и иных авторов. Правой аспект исследования категории порядка рассмотрен в трудах таких исследователей как А.И. Абдуллин, Д.Н. Бахраха, В.А. Белов, Ю.М. Козлов, Л.О. Красавчикова, Д.В. Ломакин, М.Н. Малеина, И.Л. Петрухин, И.А. Покровский и др.

Цель исследования: доказать, что порядок, в том числе правовой конституируется обществом, продемонстрировав это на примере формирования порядка в Интернет-среде.

Исходя из указанной цели, можно сформулировать следующие **задачи**:

- Рассмотреть философские подходы к определению порядка, дать свое определение порядка как социально-философской категории;
- Определить место порядка как теоретического конструкта в контексте современного институционального общества;
- Сопоставить теории информационного и сетевого общества, найти общие моменты и попытаться их интегрировать;
- Изучить особенности институционального регулирования информационного пространства в мировой и отечественной практике;
- Выделить основные риски в современном регулировании порядка в Интернет-пространстве, предложить методы их устранения и дать аналитический прогноз отдаленных перспектив трансформации порядка в информационном обществе.

Объект исследования: правовой порядок в контексте информационного общества.

Предмет исследования: амбивалентное взаимовлияние реальных общественных процессов и процессов, протекающих в Интернет-пространстве.

Методологическая база исследования. Решение задач данного исследования осуществляется с помощью комплексной методологии. Для разработки теоретической части настоящего исследования были использованы историко-философский и феноменологический методы, а также элементы категориального, компаративистского и структурно-функционального анализа. Работа выполнена в рамках концепции институционального общества, дополненной элементами концепций сетевого и информационного общества с использованием теоретико-методологических ресурсов постклассической парадигмы (неоинституциональный и ценностный подходы). Для разработки практической части исследования будут использованы методы контент-анализа Интернет-сетей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Категория порядка имеет, по меньшей мере, два измерения развертывания: онтологическое и социальное. Примерно до эпохи Просвещения эти два измерения было крайне сложно друг от друга отделить. Только к началу эпохи Просвещения категория порядка переосмысливается настолько, что порядок начинает мыслиться как то, что создается человеком для эффективного функционирования общества. Практически никто из мыслителей не задавался вопросом порядка как специфической темы для философских изысканий, однако в силу актуальности этой тематике проблема порядка присутствуют в работах многих философов контекстуально.

Категория порядка обычно мыслится в системе бинарных оппозиций, и поскольку настоящее исследование посвящено социально-философской проблематике в своём определении порядка мы больше будем опираться на дихотомию свобода-порядок. Рабочее определение социального порядка, которое может быть предложено для настоящей работы можно сформулировать так: это система ценностно-нормативных представлений об

общественной жизни, выражающаяся в социально значимых действиях членов того или иного общества, а также в системе специализированных органов, целевое назначение которых состоит в гарантировании устойчивости этой системы.

2. В контексте институционального подхода имеет смысл рассматривать институционализацию порядка в трех взаимосвязанных плоскостях: социальном, нормативно-юридическом и политическом. Социальный порядок является отображением идей общественного сознания в процессе их применение к реальной жизни с целью обеспечения стабильности и прогнозируемости жизнедеятельности. Источник социального порядка в институциональном обществе обладает двойной природой: с одной стороны нормы социального порядка органами такого социального института как государство, с другой стороны гражданское общество также неотъемлемо выступает в качестве фактора, легитимирующего этот порядок. В отношении общества также необходимо отметить, что вследствие ценностной значимости порядка для представителей многочисленного среднего класса, даже маловероятные угрозы изменению жизненного уклада являются фактором, который может с легкостью склонить людей мысли о необходимости более строгих порядков.

3. Концепция информационного общества и концепция сетевого общества наиболее полно и чётко могут характеризовать современное состояние социального бытия и системы порядка в нём. При этом представляется, что больший акцент следует сделать на концепции информационного общества, анализируя ее с точки зрения коммуникативных возможностей по той причине, что коммуникация накладывает крайне значимый отпечаток на общественную жизнь в целом и систему поддержки порядка в частности. В тоже время одной теории информационного общества недостаточно для характеристики социального порядка по той причине, что порядок предполагает наличие определенных взаимосвязей между субъектами, для анализа которых необходимые элементы теории сетевого общества. Таким образом, хотя концепции информационного и сетевого

общества формировались исходя из принципиально разных оснований, эти две теории можно успешно интегрировать и использовать для изучения современного Интернет-пространства и становление социального порядка в нём.

4. Вопросы правового контроля Интернета в теории, как правило, развиваются по двум основным путям: либо пытаются привести действия в Интернет-среде в соответствии с законодательством, действующим в оффлайн в пространстве, либо пытаются разработать специальные меры правопорядка для Интернета. Одной из насущных проблем, связанных с регулированием Интернет-пространства является определение вопроса юрисдикции того или иного государства: учитывая что Интернет является прежде всего глобальной сетью регулирование правопорядка требуют в нём либо международный нормативно-правовой базы, либо будет закономерно вести к конфликтам между государствами за тот или иной сегмент киберпространства. Еще одним значимым фактором поддержки порядка в Интернет-пространстве является позиция пользователей: хотя источником порядка является государство, порядок не реализуем без соответствующей ценностной поддержки со стороны общества. То же правило действует и в Интернет-пространстве: если некоторые правовые нормы, которые государство считает необходимым ввести не разделяются пользователями как необходимые и значимые, они не будут исполняться.

5. Основными рискам в современном влияния Интернет-пространства на социум является возможность формирования альтернативного действующей власти политического дискурса и разложение общественного порядка путем сетевых революций и гибридных войн. В области трансформации правового контроля Интернет-пространства существует два основных сценария – приведение Интернет-пространства в соответствие с реальным правом страны; и упредительный контроль, запрещающий в Интернете все, что гипотетически может привести к нарушению закона. Тот факт, что Интернет является глобальным феноменом, и значит, не может быть сведен к правовой системе одного конкретного государства требует

существенного развития международного законодательства в этом отношении. В противном случае киберпространство и социум ждут крайне интересные трансформации от распада Интернета на локальные сети до формирования субИнтернет – сети, которая вовсе окажется вне возможности всякого правового регулирования. Возможен и обратный сценарий: поскольку как было убедительно показано, Интернет способен трансформировать социальную реальность, вполне возможно, что пользовательское сообщество в недалеком будущем станет основным органом гражданского общества, а правовые нормы в оффлайн пространстве будут задаваться посредством Интернет-пространства.

Аспекты научной новизны настоящего исследования заключаются в следующем:

- Проведено авторское исследование категории порядка в философии,;
- Сформировано авторское понимание социального порядка;
- Сформирована оригинальная методология на стыке теорий информационного и сетевого общества;
- Осуществлен анализ правового опыта регулирования Интернета в России и за рубежом, области, очень слабо разработанной в отечественной социогуманитарной науке.

Теоретическая ценность настоящего исследования обосновывается тем фактом, что категория порядка в Интернет – среде является совершенно неисследованной социальными науками. Также важным с теоретической точки зрения является синтез информационного и сетевого подходов и анализ категории порядка в контексте информационного общества под воздействием глобализации.

Практическая значимость исследования обосновывается необходимостью минимизации факторов риска, генерируемых спецификой Интернет-коммуникации, а также возможности выработки оптимизации стратегии информационной политики, направленных на поддержание порядка как в онлайн так и оффлайн мире.

Апробация результатов диссертационного исследования. Результаты исследования изложены в таких публикациях как:

1. Харченко, Д.С. Свобода и безопасность в правовом государстве: социально-философский анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 1. С. 189-193;

2. Харченко, Д.С. Контроль в информационном обществе: социально-философские основания // Аспирантский вестник Поволжья, Серия Философские науки, (в печати);

3. Харченко, Д.С. Легитимация и делегитимация органов государственной власти посредством подрыва правового порядка в Интернет – пространстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота (в печати).

Структура диссертационного исследования представлена введением, основной частью работы, состоящей из 2 глав, разделенных на 5 параграфов, заключения и списка использованной литературы. Таким образом, структура диссертации отвечает постановке научно-исследовательской цели и вытекающих из нее задач.

Глава 1. Порядок как социально-философский концепт

1.1. Становление концепта порядка в философии

Настоящее исследование посвящено исследованию концепта порядка в контексте социально-философского дискурса, однако, поскольку категория порядка достаточно сложна и многозначна, поскольку она совершенно по-разному поднималась представителями различных философских направлений, прежде чем анализировать категорию порядка в рамках социально-философского дискурса представляется необходимым сделать историко-философский экскурс длиной в параграф, в ходе которого мы изучим, как от эпохи к эпохе, от школы к школе, от философа к философу менялось значение категории «порядок».

Проблемы, связанные с поиском оснований порядка занимали философов столько, сколько существует философия. Уже в эпоху античности категория порядка становится одной из ведущих категорий, над которой размышляют философы.

Отчасти, это связано с самой природой философского знания, потому что для углубления в философию необходимо подвергать сомнению все те иллюзии, которые могут рождаться в общественном мнении (псевдо-порядок) и выявлять подлинное знание, закон (порядок). Тяга к порядку проистекает из осознания своей глубокой потерянности и полного незнания подлинных законов бытия. В условиях постоянно меняющегося мира, когда истина начинает казаться относительной, человеку вообще и философу в особенности очень хочется найти что-то объективное, константное, неизменное. Именно таким образом античной философии выкристаллизуется понятие порядка. Здесь уместно вспомнить размышление Бертрانا Рассела: «Поиски чего-то вечного – один из глубочайших инстинктов, толкающих людей к философии. Он, несомненно, связан с любовью к дому и желанием найти убежище от опасности. Мы, соответственно, находим, что это

стремление наиболее страстно выражено у тех, чья жизнь наиболее подвержена катастрофам»².

Таким образом, получается, что философ в процессе поиска, вопрошания пытается придти к истине, которая видится в порядке. Неудовлетворенность этим миром, а точнее неясность, приводит к тому, что философ начинает искать ответы в глубине себя.

Два фундаментальных понятия античного мирозерцания космос (порядок) и хаос (беспорядок) являются амбивалентными друг другу. С одной стороны они олицетворяют собой бинарные оппозиции (такие как тьма-свет, жизнь-смерть), а с другой стороны они тесно взаимосвязаны. В Теогонии Гесиода Космос рождается из Хаоса³. Это отражает важную особенность античного мировоззрения, согласно которой порядок не берется из ниоткуда.

Безусловно, Космос или порядок является достаточно сложным понятием даже для античного мышления. С одной стороны Космос это порядок. Космос отличает от Хаоса тот факт, что он упорядочен согласно определенному принципу. С другой стороны Космос это еще и красота (отсюда, например, слово косметика). Но для того чтобы понять, почему древние греки одним словом называют и порядок и красоту, необходимо понимать принципы античного мышления. Тут уместно вспомнить такое понятие как калокагатия красивое добро или добрая красота. Для античного мировоззрения правильность и эстетика не существуют отдельно друг от друга⁴. Это накладывает и определенный отпечаток на общественную жизнь. В древнегреческом полисе социально приемлемо то, что нравственно, нравственно то, что красиво, а красиво то, что подчиняется правилам. Таким образом, понятие порядка в жизни античного грека можно охарактеризовать тремя категориями: красота, нравственность, социальная приемлемость.

Впрочем, существовал в Древней Греции и альтернативной философский дискурс относительно категории порядка. Далеко не все

² Рассел, Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М. : Академический Проект, 2009. С. 72

³ Гесиод. Теогония // Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001. С. 20-51.

⁴ Лосев А.Ф. История античной эстетики : в 8 т. Т. 1. Ранняя классика. М. ; Харьков, 2000. С. 59

философы вписывались в понятие социальной приемлемости как с точки зрения собственной философии так и с точки зрения образа жизни. Достаточно вспомнить хотя бы Гераклита и Сократа. Важно обратить внимание на образ жизни Гераклита Эфесского, который описывает А.Н. Чанышев: «Он жил бедно и одиноко. Последние годы своей жизни Гераклит провел в хижине в горах»⁵. Возможно, он обрел тот самый дом, о котором писал Бертран Рассел. И совсем не важно, что данный дом находится, где-то на периферии. Этот образ жизни в античный период напоминает странника, имеет определенные черты маргинальности. Общество воспринимает философов, как иных, других и наделяет специфическими чертами. Так можно встретить в биографии Гераклита упоминания, что уже сами древние греки прозвали Гераклита темным. Прочитав его труд, Сократ сказал: «То, что я понял превосходно. Думаю, что таково и то, чего я не понял. Впрочем, для этого нужен делосский водолаз»⁶. Сократ восхищается, тем, что понял у Гераклита, все остальное общество, которое находится вне его философии не пытается даже понять, о каком логосе он говорит. Так происходит столкновение общественного взгляда и философского, и проблемой, вокруг которой это столкновение происходит, является проблема порядка. С одной стороны имеется порядок, закон, и прочие нормы. Ориентируясь на них, общество функционирует, временами даже очень успешно. С другой же стороны существуют философы, которых не так много, которые замечают, что все эти нормы, представления о порядке и истине не такие уж и устойчивые, а то, что в действительности происходит замаскированный Хаос. Таким образом, характеризуя в целом понимание Порядка и Хаоса в античной философии следует отметить, что категории Космоса и Хаоса играли для античного сознания очень важное значение, соединяя в себе целый комплекс социальных, этических и эстетических установок. В то же время именно в античности очерчивается контур столкновения двух противоположных взглядов на порядок: взгляда общественного, социально-

⁵ Чанышев, А.Н. Философия Древнего мира. М. : Высш.шк., 1999. С. 185

⁶ Там же, С. 185 -186

приемлемого, используемого в общественной жизни античных полисов который заключается в том, что порядок есть производное социальной жизни людей, а потому он является категорией релятивной и способностью к изменению. Такое понимание порядка было свойственно главным образом для философии софистов. Другая прямо противоположная позиция заключается в том, что порядок есть категория универсальная и неизменная, которая устанавливается не человеческим обществом и не может быть изменено усилиями человека. Такой взгляд на категорию порядка более характерен для философии Гераклита, Сократа, Платона и его последователей.

Теперь, после анализа категории порядка в античности плавно перейдем к средневековью. Средневековье это период тотального господства христианской религиозной мысли (мы, разумеется, говорим о европейском Средневековье). Так, французский религиозный философ Этьен Жильсон писал: «Ни одно словосочетание не приходит на ум историку средневековой философии с большей естественностью, чем «христианская философия»»⁷. Нельзя сказать, конечно, что существовала только христианская философия, были наряду с этим аутентичные представления у евреев и мусульман. В ходе исторического процесса они взаимно друг на друга влияли, но огромное наследие на западе сформировала именно христианская мысль.

Средневековое христианское понимание категории порядка обусловлено пониманием Бога и божественного порядка. Порядок средневековья уже однозначно субстанциален и универсален. Находясь вне человеческого бытия, и имея своим источником самого Бога, божественный порядок выступает мощнейшим фактором, как с точки зрения нравственно-этической, так и с точки зрения социально-политической. В этом отношении достаточно вспомнить хотя бы трактат Августина Блаженного «О граде Божьем»⁸. В граде небесном, где действуют порядок, заложенный Богом,

⁷Жильсон, Э. Дух средневековой философии. / Пер. с французского Г.В. Вдовиной. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. С. 7

⁸Аврелий, Августин О граде Божием. М.: Харвест, АСТ, 2000. 1296 с.

всё происходит так, как необходимо это универсальная модель социального бытия, в которой не может быть изъянов. Граду земному остается лишь подражать граду небесному и чем больше будет степень соответствия, тем лучше. С другой стороны в социальной реальности средневековья попытки равняться на Божественный порядок соседствуют с пониманием недостижимости этого самого божественного порядка в рамках категорий человеческого социума.

Но средневековая мысль в отношении порядка также неоднозначна. Философские размышления, тесно переплетаясь с богословским и догматами зачастую порождали достаточно неоднозначные точки зрения с вариативностью толкований. Приведем один пример.

Важным элементом христианского мировоззрения является Библия. Грамотная часть средневекового общества изучает Библию, но на самом деле изучают не собственно Библию, а способы ее интерпретации. Создается определенный пласт религиозной литературы, в которой в контексте христианства рассуждается о порядке. Ставятся вопросы, о том, как необходимо существовать на земле, для того, чтобы обрести некое соединение с Богом. Внутри данных рассуждений существуют полемика. Продолжая обращаться к трудам Э. Жильсона можно встретить следующие: «Философия может соотносить себя с Откровением и быть ложной, но не потому, что она вдохновляется Откровением, а потому, что она – плохая философия: заблуждения Мальбранша, столь глубокого и подлинного христианина, служат тому достаточно выразительным примером. Но философия может вдохновляться Откровением и быть истинной; и если она истинна, то потому, что является хорошей философией»⁹.

Проанализировав данный отрывок, можно отметить, что все размышления, включая, в том числе и размышления о порядке происходят внутри христианской мысли, но данная мысль в некоем случае не едина, а вариативна. Ключевой особенностью данного периода в истории философии

⁹Жильсон, Э. Дух средневековой философии. / Пер. с французского Г.В. Вдовиной. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. С. 520

является то, что есть некий единый взгляд на то, что существования порядка возможно только в ином мире. В мире реальном существует хаос и в данном мире могут быть попытки осуществления порядка, но главная цель – это придти к тому, иному миру, потому что подлинный порядок есть только там. Если же говорить о преемственности, то важным элементом является то, что и в античности и в средневековье существует понимание инаковой, высшей природы порядка. Хотя в античности эта мысль отчасти и оспаривалось, средневековье привело человечество к мысли о том, что порядок не может быть создан человеком, а любой порядок созданный человеком не совершенен и является только отдаленным напоминанием божественных порядков.

В эпоху возрождения понимание природы порядка снова трансформировалось. Вильгельм Виндельбанд в своей работе «История философии» в 1892 году пишет: «философия утрачивает в эпоху Возрождения цеховой характер и в своих лучших созданиях становится продуктом свободной деятельности индивидуумов. Она ищет себе опоры в современной действительности и получает с внешней стороны национальный облик, благодаря усиливающемуся употреблению национального языка. Наука подверглась, таким образом, глубокому брожению. Тысячелетние формы духовной жизни оказались отжившими и непригодными. Страстное, хотя первоначально и не вполне ясное, стремление к новшествам охватило умы, и возбужденная фантазия овладела движением»¹⁰. Утрата цехового характера и постепенный уход от той христианской мысли средневековья инициировали и утрату прежнего понимания порядка. Эпоха Возрождения в целом характеризуется уходом от теоцентрического взгляда на мир, где в центре всего находится Бог к антропоцентрической взгляду, где в центре мира находится Человек. Та же тенденция наблюдается и в отношении понимания порядка.

¹⁰Виндельбанд, В. История философии. / Пер. с нем. К. : Ника-Центр, 1997. С. 295

Установившаяся в эпоху Возрождения тенденция получает свое закономерное развитие в эпоху Нового Времени, главным образом, под воздействием развитие естественнонаучных дисциплин. Обращаясь снова к Виндельбанду можно встретить следующие строки: «внутренним побудительным мотивом в философском движении гуманизма остается то же самое стремление к совершенно новому познанию мира, которое нашло свое удовлетворение в развитии и принципиальной разработке естествознании. Но способ, который был применен при этом, и логические формы, в которые вылилось это развитие, обнаруживают во всех существенных пунктах зависимость от тех толчков, которые дало восприятие греческой философии. Современное естествознание – дитя гуманизма»¹¹. То есть выстраивание нового порядка основывалось на уже прошедшей, предыдущей эпохе. Резюмируя воззрения эпохи Нового Времени, можно обратиться к словам Эрнста Кассирера, который пишет: «В своем «Опыте об элементах философии» Д'Аламбер прежде всего стремился набросать выразительную картину, в которой пытался представить обобщенный образ состояния человеческого духа в середине XVIII века. Он исходит при этом из наблюдения, что на протяжении последних трех столетий знаменательный перелом в духовной жизни происходил в середине века. В середине XV столетия начинается духовное и литературное движение – Ренессанс, в середине XVI века высшей своей точки достигает религиозная реформация; а к середине XVII века торжествует картезианская философия, вследствие чего решительно изменилась вся картина мира»¹².

Развитие естествознания накладывает и соответствующий отпечаток на понимание порядка. Теперь законы и порядки, прежде всего, воспринимаются не как нечто, исходящее от человеческого общества, или придуманное для человека, а как закономерность законы естественного мира. В природе есть свои порядки, и естествоиспытатели знают он них, пытаются

11Виндельбанд, В. История философии. / Пер. с нем. К. : Ника-Центр, 1997. С. 297

12Кассирер, Э. Философия Просвещения. / Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 16

их изучить. Порядок существует независимо от человека и совсем не для человека или вопреки человеку, но, тем не менее, человек эти порядки может познать и при необходимости использовать для своей выгоды.

Эти тенденции логично продолжает эпоха Просвещения. Некоторые исследователи данного периода выделяют английское, французское, немецкое просвещение. К таким исследователям относится упомянутый выше Виндельбанд. Особенностью данного периода является то, что порядок разбирается в контексте государства на разных уровнях. Если же обратится к английской стороне просвещения, то там поднимается философия нравственности в контексте теории Гоббса. Виндельбанд писал о Гоббсе следующие: «Попытка этого философа сделать нравственную философию независимой от всех формул религиозного обоснования была, в сущности, явлением параллельным родственному стремлению философии права и потому нашла свое принципиальное признание именно с ее стороны»¹³. То есть происходит смещение в вопросе, что может влиять на порядок? Если до этого ответ в основе своей массы выводился из высших начал, то на данном этапе был осуществлен переход от Абсолюта к земному праву. Вот та действительная реальность, которая может повлиять на порядок в этом мире. Подготовленная естествоиспытателями нового времени, идея порядка, наконец, перешла в плоскость в социальной философии.

Особенностью понимания порядка в эпохе Просвещения является и то, что именно в этот период обозначается дихотомия между порядком и свободой человека. Этот момент следует запомнить, так как в дальнейшем в работе бинарная оппозиция «порядок-свобода» будет очень важна. Итак, в эпоху Просвещения о порядке и свободе заговорили в ином ключе.

Именно поэтому эта эпоха подарила общественной мысли теорию общественного договора. Теория общественного договора (в дословном переводе social contract теория социального контракта) – теория, по которой люди отдают часть своих суверенных прав правительства государства или другого органа власти для того, чтобы поддерживать порядок в обществе, то

¹³Виндельбанд, В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. Т. 1: от Возрождения до Просвещения. / Пер. с нем. Под ред. А. Введенского М. : Гипперборей, 2007. С. 285

есть согласие тех, кем правят, на определенные правила, по которым осуществляется правления. Основными авторами теории общественного договора были философы Т. Гоббс, Дж. Локк и Ж. Ж. Руссо.

Теория общественного договора закладывает основу исторически важной концепции того, что законная государственная власть должна строиться на согласии подданных. Теория исходит из соображений о так называемом «естественном состоянии» человека вне рамок упорядоченного общества, когда его действия ограничены только совестью и сопротивлением других. Начиная с такой свободной несуспильности человека, сторонники теории общественного договора пытаются объяснить, почему человеку выгодно добровольно пожертвовать полной свободой ради порядка.

Хотя основания для описания свободы и порядка, изложенные в теории общественного договора, они не являются сугубо философским и носят выраженный социально-политический и юридический оттенок, тем не менее, исходят они именно из философских оснований и в них же в конечном итоге упираются. Можно сказать, что именно в этот исторический период в философии появляется *правовое понимание* категории порядка.

Отправной точкой этого процесса стало признание Томасом Гоббсом права человека на свободу в качестве естественного. Если до этого, человек в античности считавшийся частью Космоса, а в средневековье – творением Бога, тем самым как бы лишался права на свободу как таковую в силу принадлежности подобно вещи Космосу или Богу соответственно, которые и были источником порядка, то в связи с развитием новоевропейской науки эпохи Просвещения, человек отделяется и от природы и от Бога, и обретая самостоятельность, наконец, получает право на свободу.

Гоббс исходит из собственной мысли о равенстве людей: «Люди равны от природы. Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей... что касается физической силы, то более слабый имеет достаточно силы, чтобы путем тайных махинаций или союза с другими, кому грозит та же опасность, убить более сильного... благоразумие

есть лишь опыт, который в одинаковое время приобретается в равной мере всеми людьми относительно тех вещей, которыми они с одинаковым усердием занимаются»¹⁴ пишет Гоббс. При всей профанационности данной исходной посылки трудно поспорить, что теоретически с большей или меньшей вероятностью любой человек может убить другого. К сожалению, поскольку Гоббс является лишь основоположником теории общественного договора, его идея социального равенства касалась лишь наиболее грубого уровня – уровня физического существования и выживания как такового. Эта позиция является следствием того, что в понимании Гоббса абсолютная свобода человека нечто анархичное, хаотичное, борьба, в которой оправдывается и убийство человека человеком.

В этой ситуации естественным и необходимым выходом становится ограничение, обуздание абсолютной свободы каждого во имя блага: порядка для всех. Люди должны взаимно ограничить свою свободу, чтобы существовать в состоянии общественного мира. Они договариваются между собой об этом ограничении. Это взаимное самоограничение, жертву свободой во имя порядка Гоббс и называет общественным договором.

Но отношение власти Гоббс мыслит иначе. Власть государства, по убеждению Гоббса, должна быть абсолютна, государство вправе в интересах общества в целом предпринимать любые меры принуждения к своим гражданам. Идеалом государства Гоббса – абсолютная монархия, неограниченная власть по отношению к обществу. То есть, суверен в отличие от народа, как раз обладает полной свободой, и никакой анархии и хаотичности Гоббс в этом не усматривает. Государство, суверен – это источник порядка, это Космос греков и Бог христиан. Такая дискриминация народа относительно правящей элиты весьма характерна для зарождающихся буржуазных отношений начала Нового времени, еще не ушедших от феодальных пережитков.

¹⁴Гоббс Т. Левиафан // Т. Гоббс. Собрание сочинений, СПб.: 2006, С. 53

Концепция Локка по вопросу порядка и свободы гораздо более позитивна. Изначальное состояние людей по Локку не есть борьба, а напротив – всеобщее равенство и гармония. Принципы гражданского общества появляются из самого общества, а не жандармейских функций государства. Отдать часть функций правительству, которое призвано обеспечить порядок побуждает не необходимость выживания, а естественная осознанная готовность людей.

Основная цель государства по Локку защита естественных прав людей в том числе – права на свободу. Локк акцентирует: люди отдают государству лишь часть своей естественной свободы. Государство обязано поддерживать порядок, который Локк понимает как защиту их естественных прав на собственность, жизнь, свободу. Чем больше прав у человека, тем шире круг его обязанностей перед обществом. Государство при этом не обладает абсолютной произвольной властью. Если государство не выполняет своего долга перед людьми, если оно нарушает естественные свободы люди вправе бороться против такого государства¹⁵.

Таким образом, теория общественного договора в интерпретации Локка приобретает гораздо более демократические очертания, нежели в теории Гоббса. Источником порядка тут выступает не суверен, а общество, которое этому же порядку и подчиняется.

Еще одним признанным теоретиком общественного договора является Жан-Жак Руссо. Синтезируя ряд элементов из учения Гоббса и Локка, он строит по-сути, независимую концепцию относительно свободы и порядка. Естественное состояние людей Руссо трактует состояние первобытной гармонии, где порядок не надо насаждать искусственно. Человек не нуждается ни в общественных ограничителях, ни в морали, а от беспредела его удерживают инстинкт самосохранения, рассудительность и лень.

Но два ужаснейших открытия – земледелие и обработка металлов – нарушили эту идиллию и породили неравенство. Население растет, меняются географические условия, развиваются способности и потребности людей, что

¹⁵Локк, Дж. Два трактата о правлении. М.: Мысль, 1963, С. 115

приводит, в конечном счете, к установлению частной собственности. Общественное расслоение порождает ненависть общество, нуждаясь в гражданском мире, заключается общественный договор, по которому право устанавливать порядок переходит к государству. По сути, характеристика права на установление порядка является тождественной характеристике обладанием власти. Руссо утверждает, что носителем власти должен быть народ, а не государство, и существующую несправедливость надо устранить¹⁶. Именно поэтому Руссо становится одним из теоретиков Французской революции. Философские и социальные воззрения Руссо значительно повлияли на утопических социалистов XIX столетия, в том числе – Маркса.

Таким образом, резюмируя общее понимание концепта порядка в Новое время и эпоху Просвещения можно отметить, что уходя от космологической и теологической теорий, господствующих в античности и средневековье соответственно, в эпоху Просвещения концепт порядка приобретает социальное, человеческое, земное измерение. Теперь порядок это уже не нечто устанавливаемое свыше Богом или высшим космическим законом, а простое, земное, человеческое, устанавливаемое самими людьми. Однако, наряду с этой трансформацией происходит и другое важное переосмысление концепта порядка теперь порядок мыслится в правовом и политическом измерении. Осмысление порядка в политическом измерении прежде всего приводит к тому что порядок начинает сливаться в сознании с источником власти: кто устанавливает порядок тот и есть суверен.

Параллельно с развитием теории общественного договора, новоевропейская философия разрабатывала новые концепции соотношения порядка и свободы, что более всего выразилось в концепциях Канта и Гегеля. Именно это понимание порядка и свободы далее ляжет в основу в философии права новоевропейской цивилизации. Свобода человека в этом контексте рассматривается как то, что подлежит регулированию правом, то есть будучи однозначно вписанной в определенный социальный порядок. Закономерно

¹⁶Руссо, Жан-Жак. Об общественном договоре. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 59

поставить вопрос насколько можно вписать свободу в порядок, если порядок является фактором, свободу ограничивающим. Возвести историю этой трактовки можно к Канту, утверждавшему, что «свобода есть независимость от произвольной воли другого. До тех пор пока она не мешает свободе других в соответствии со всеобщим законом это природное врожденное право каждого человека, принадлежащее ему в силу его человеческой природы»¹⁷.

Показательно, если в эпоху Просвещения правовое и политическое понимание порядка развиваются из одного источника, то позже эти два варианта понимание порядка становятся противоположными. В противовес правовому пониманию порядка в современном обществе выступает политическая его трактовка, которая, однако, исходит из тех же оснований. Так, в этой связи примечательна теория Берлина, выдвигающего два понимания порядка. Первое он связал с либеральной традицией, второе – с тоталитарной¹⁸.

Эти названия до некоторой степени условны и все же имеют определенное оправдание. Первое и второе понимания являются двумя видами одного и того же рода «негативное», но поскольку первое совместимо с абсолютизмом, его можно назвать «абсолютистским». Второе несовместимо с абсолютизмом и по этой причине может быть названо «либеральным». Существует крайний случай тоталитаризма, когда порядок и свобода становятся абсолютно несовместимыми, то, что бы мы ни понимали под порядком, теоретически мыслимы лишь два отношения его к свободе: порядок либо ограничивает свободу или же проистекает из нее. В обоих случаях свобода совместима с порядком, но совместима по-разному: в первом – порядок уменьшает свободу, во втором – увеличивает.

Тоталитарное понимание рассматривает порядок как подчинение общей воле. В основе такого понимания лежат два допущения. Первое – само существование воли, которая заслуживала бы название общей. Второе допущение – отождествление общей воли с волей каждого в отдельности.

¹⁷Кант, И. Основы метафизики нравственности // И. Кант. Сочинения в шести томах. Том 4. М.: Мысль, 1963. С.226.

¹⁸Берлин, И. Два понимания свободы // И. Берлин. Философия свободы. М.: Новое литературное обозрение, 2001

Либеральное понимание основано на четком противопоставлении порядка и воли. Свобода в либеральном понимании несовместима с абсолютизмом. Ибо там, где верховная власть абсолютна – все равно, монарха или народа, – подданные зависят не от установленных в обществе порядков, а от воли верховной власти.

Существует, однако, еще одно политическое понимание порядка: порядок в анархизме. Общественный идеал анархизма – это автономная личность, свободная от всякого внешнего авторитета, опирающегося на принуждение и навязывающего ей чуждые мысли, интересы, действия, образ жизни. Анархизм стремится к отсутствию принудительного закона и возможности человека в добровольном союзе с другими людьми самому устанавливать или выбирать для себя правила, которым он хочет подчиняться¹⁹. Справедливо полагая, что свобода есть равенство между правами и обязанностями, анархизм не видит никакой положительной роли государства и его законов в обеспечении такого равновесия. Именно таким образом рождаются формула анархизма: «Анархия мать порядка». Впрочем, анархистское понимание порядка уже пережило пик наивысшей своей популярности и едва ли сегодня или в ближайшем будущем на сторону этого подхода встанет значительная масса людей.

Помимо уже отмеченных нами способов определения концепта порядка современная философия выработала еще один: характеристику порядка как атрибута того или иного социума (или культуры). Значительную работу в этой области независимо друг от друга проделали А. Бергсон, К. Поппер и Л. Мэмфорд. Общества избыточного порядка Анри Бергсон называет «закрытыми обществами». По его мнению, охарактеризовать такое общество можно тремя словами «авторитет, иерархия, неподвижность»²⁰. Это общества, где существует множество запретов, как рациональных, так и иррациональных, жизнь членов общества мелочно регламентирована,

19 Кропоткин, П.А. Современная наука и анархия / Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 215-216

20 Бергсон, А. Два источника морали и религии. Пер. с фр., послесловие и примечания А. Б. Гофмана М.: Канон, 1994. 384 с.

подчинена правилом. Источником порядка в таких обществах является правитель, однако сам авторитет правителя держится на следовании порядку. Если Бергсон видит основанием обществ «тотального порядка» иерархичность и авторитет, то Карл Поппер, называя такие общества «традиционными», предполагает, что избыточная нормативность таких обществ обусловлена религиозными представлениями, верой магию и силу обрядов²¹. Не случайно, большая часть порядков носит религиозный, ритуализированный характер. Л. Мэмфорд называет такие общества «мегамашинами»²² и в целом характеризует их также как и Бергсон и Поппер, подчеркивая кроме того, что для них характерна тотальная ксенофобия и неприятие любой инаковости, что и обуславливает застойный характер таких обществ.

Таким образом, как мы можем видеть способов понимание порядка в том числе социального в философии предостаточно. Если попытаться ответить на вопрос как понимает социальный порядок в современная философия, или хотя бы современная российская философия, едва ли на этот вопрос удастся найти однозначный ответ. Новейший философский словарь определяет порядок как «философско-социологическое понятие, представляющее объяснение того, каким образом форма появляется в общественных отношениях, с одной стороны, а с другой каким образом социальные системы и их элементы связаны во времени и пространстве²³». Это определение очень широко и, по сути, призван ответить на вопрос: как возможно общество. В более узком контексте понятие социального порядка используется в философии, социологии, политологии и других социальных науках для обозначения установленных образцов, постоянных структур, процессов и изменений, присущих социуму, отражающихся на поведении и взаимодействии индивидов и на функционировании социальной системы в

21 Поппер, К. Открытое общество и его враги. В 2 Т. М.: Феникс, 1992. 448 с. + 448 с.

22 Мэмфорд, Л. Миф машины. Утопия и утопическое мышление», М., 1991, С.79-97

23 Социальный порядок // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов . Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.

целом. Часто употребляемым является также понятие «морального порядка» и «нормативного порядка». Последние понимаются как система правил и разделяемых ожиданий, которые регулируют частные социальные ситуации.

Подводя итог нашему историко-философскому экскурсу, можно отметить, что категория порядка в различные исторические эпохи и в различных философских традициях трактовалась совершенно по-разному. Примечательно, что на протяжении всего историко-философского дискурса новоевропейской философии никто из мыслителей не занимался попытками определить или описать порядок специально, но значимость этой категории для философии оказывается настолько велико, что зачастую проблема порядка всплывает в развернутых философских системах контекстуально. Обращение к проблеме порядка происходит в основном в пиковые моменты для общества и всегда носит оттенок той эпохи, к которой принадлежит. Таким образом, категория порядка довольно сильно социально и исторически детерминирована.

Ряд выводов можно сделать из проделанного нами историко-философского анализа. Во-первых, категория порядка имеет по меньшей мере два измерения развертывания: онтологическое и социальное. Примерно до эпохи Просвещения эти два измерения было крайне сложно друг от друга отделить. Понимание порядка в период античности базировалась главным образом на анализ дихотомии Космос-Хаос, а источником порядка выступали неведомые космические законы. Понимание же порядка в период христианского средневековья базировалось на дихотомии божественное-человеческое, и источником порядка, соответственно, выступал Бог. Даже в эпоху Возрождения, когда философская мысль вроде бы отходит от теологической модели к антропоцентрической, порядок остаётся категорией, задаваемой для человека извне. И только к началу эпохи Просвещения категория порядка переосмысливается настолько, что порядок начинает мыслить не как нечто, заданное абсолютными законами мироздания (Космос, Бог, законы природы), но как то, что создается человеком для эффективного функционирования общества. Именно в этот период истории можно говорить

о выделении социального порядка и как отдельной философской категории и наделение его правовым и политическим смыслом. Отныне источником порядка становятся человек, а конкретнее правитель. Такое понимание категории порядка до определенного смысла не теряет актуальности и в наше время.

Попытки дать однозначное законченное определение категории порядка редко приводят в результате к однозначному и точному ответу. Категория порядка обычно мыслится в системе бинарных оппозиций, и наиболее распространенными вариантами таких бинарных оппозиций являются порядок-хаос и свобода-порядок. В то время как первая бинарная оппозиция хорошо подходит для онтологического понимания порядка, то вторая пара мыслится главным образом в плоскости социальной философии. Именно поэтому на неё мы будем опираться в контексте дальнейшего исследования.

1.2. Институциональное измерение порядка

Проведенный нами в предыдущем параграфе обзор концепта порядка в контексте истории европейской философии позволяет заключить, что категория порядка трактуется в философии достаточно вольно и во многом зависит как от исторического контекста, так и методологических установок конкретного исследователя. Поскольку нашей задачей является сформировать понимание правового порядка в контексте институционального подхода, сосредоточимся на влиянии феномена порядка на современное институциональное общество.

Развитие современной теории социального порядка требует расширения того методологического инструментария, который традиционно используется при описании его ключевых признаков и характеристик. Рассмотрение современного социального вообще и правового порядка в частности как институциональной системы предполагает новый взгляд на то, каким образом устроен и как функционирует порядок в системе социальных институтов и какова его цель. Институциональный анализ при этом выступает как эффективная социально-философская методология.

Рассмотрение современного институционального подхода в контексте его применения к социальному порядку, прежде всего, определяется различиями, которые вкладываются в понятие «институт». При этом характерно, что в социальную философию термин «институт» пришел из юриспруденции, где он употреблялся для обозначения совокупности норм, регулирующих правовые отношения (институт собственности, институт наследования, институт брака). В Древнем Риме например, пособия для юристов, дающие систематизированный обзор действующих законов частного права назывались институциями. Действительно, смысловые различия между «институтом» в юриспруденции и «институтом» в социальной философии носят фундаментальный характер. Для юриспруденции понятие института является типичным и, в первую очередь, тесно связанным с нормативностью. Так, Е.А. Керимова утверждает, что

правовой институт представляет собой обособленный комплекс правовых предписаний, регулирующий с помощью специфичных приемов и способов однородный вид или сторону общественных отношений²⁴. Такое понимание института в целом характерно для юридической науки, особенно в контексте исследований, посвященных структуре и системе права.

«Старый» институционализм характеризовался акцентом на изучении формальных норм, совокупности фасадных черт государственных, административных учреждений, политическая сфера исследовалась главным образом через официальные государственные институты, особое внимание уделялось легальным нормам и процедурам, определяющим функционирование политических институтов. Классический институционализм, представленный трудами В. Вильсона, Дж. Брайса, Т. Коула, Г. Картера, К. Фридриха отличается описательно-индуктивным подходом к исследуемым явлениям: официальным органам власти и их формальной структуре. В целом же, по мнению Т.А. Алексеевой, «институциональный подход использует три основных метода исследования: описательно-индуктивный, формально-легальный и историко-компаративистский»²⁵. Первоначальный институционализм получил название «старого» или классического в середине 1980-х гг., когда начал складываться неоинституционализм. При этом начиная с 1950-х гг. и до 1980-х гг. наблюдался определенный спад интереса к институциональному анализу, что обусловлено, главным образом доминированием в этот период бихевиорализма и теории групп. Политические институты и организационные формы отодвигались на задний план, внимание было сосредоточено на анализе социально-экономических и культурных факторов политической жизни. В частности в марксистском (неомарксистском) политическом анализе институты

24 Керимова, Е.А. Правовой институт: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 «Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений» / Е.А. Керимова. Саратов, 1998. 23 с. С. 14

25 Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 98

рассматривались лишь как арена борьбы за власть между группами интересов, учитывались только в качестве производной от экономического базиса и не обладали самостоятельной ролью в этих процессах, не являлись независимой причиной политических изменений²⁶. Ответом именно на эти методологические течения является неoinституционализм, возникновение которого в политической науке часто связывают с выходом статьи Дж. Марча и Й. Олсена «Новый институционализм: Организационные факторы в политической жизни»²⁷, в которой на основе критики ряда особенностей, присущих политическим теориям 1950-х гг. (контекстуализм, редукционизм, утилитаризм, инструментализм и функционализм), постулируются принципы нового институционализма. К методологиям, ответом на которые стало появление нового институционализма, иногда относят и структурный функционализм²⁸. Вместе с тем, тенденция к возвращению институтов в сферу политического анализа наметилась уже в 1970-е гг. в разных методологических традициях, что обусловило появление нескольких направлений нового институционализма²⁹. Отмечается также, что возрождению интереса к политическим институтам в политической теории способствовала работа Дж. Роулза «Теория справедливости» 1971 г.³⁰. Существенное влияние на процесс становления неoinституционализма в политической науке оказал «экономический империализм». Экспансия экономической методологии в социологию, политологию и другие науки прослеживается в частности в заимствовании экономической терминологии и концептуальных построений (транзакционные издержки и пр.)³¹.

26 Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: Новые направления / под ред. Р. Гудина, Х-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М.Гурвица, А. Демчук, Т.В.Якушевой. М.: Вече, 1999. С. 155

27 March J.G. and Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // The American Political Science Review. 1984. Vol. 78. No. 3 (September). Pp. 734 - 749.

28 Сморгунов Л.В. Сравнительная политология: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2012. 448 с.

29 Панов П.В. Институционализм(ы): Объяснительные модели и причинность // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 41

30 Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: Новые направления / под ред. Р. Гудина, Х-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М.Гурвица, А. Демчук, Т.В.Якушевой. М.: Вече, 1999. С. 153

31 Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 3. С. 110

Отдельные учёные связывают появление неoinституционализма с неспособностью «традиционных» методологий предсказать крупные институциональные преобразования. Например, Д.И. Аптер приводит в качестве одной из причин развития неoinституционализма то, что «неoinституциональный анализ оказался востребованным в связи с распадом Советского Союза. Если по окончании холодной войны началась третья волна демократизации, то, в не меньшей степени, активизировались такие политические явления, как сепаратизм и религиозное сектантство и фундаментализм, ни одно из которых не было спрогнозировано и не могло быть объяснено теориями «социального изменения»³². Таким образом, подчеркиваются прогностические возможности неoinституционального подхода и его эвристический потенциал при анализе крупных политических трансформаций. При этом необходимо сразу отметить, что новый институционализм не является прямым противопоставлением «старому» институциональному подходу, скорее он дополняет его новым взглядом на факторы воспроизводства институтов. По справедливому замечанию С.В. Патрушева, «новый институционализм, с одной стороны, продолжает институциональную традицию, а с другой — использует достижения своих исторических оппонентов»³³.

Перейдем к вопросу о том, в чём же состоят отличия нового институционализма от классического институционального подхода. Ответ на этот вопрос представляется важным для понимания исследовательских возможностей данного подхода и обоснования его применения к анализу концепта электронного правительства. Значимость отличий неoinституционализма от его предшественника подчеркивается и в исследовательской среде, отмечается даже, что «различия между старым и новым институционализмом являются ключевыми для понимания развития

32Аптер Д.И. Сравнительная политология вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М. Гурвица, А. Демчук, Т.В. Якушева. М.: Вече, 1999. С. 374

33Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006 С. 9

современной политической теории»³⁴. Прежде всего, необходимо отметить, что неоинституционализм не является однородным течением, в его рамках существует множество подходов, значительный круг оценок и суждений, основанных главным образом на разной интерпретации института как явления в политическом, социологическом и экономическом институционализме (теория рационального выбора)³⁵. Неоинституционализм имеет в качестве основных отличительных черт по отношению к «старому» институционализму смещение акцента от исследования формальных структур к изучению институциональных полей, совокупности норм и ценностей, упор на социо-культурную обусловленность политических процессов и институтов. Представители данного подхода считают основным фактором формирования и эволюции институтов легитимность в восприятии этих институтов обществом, а не юридические установления, инициированные государством. Неоинституционалисты трактуют институты не как формальные нормы и официальные организации, а как реально действующие «правила игры», структурирующие взаимодействие между людьми в целях минимизации издержек этого взаимодействия, связанных в частности с возможностью оппортунистического поведения участников и их ограниченной рациональностью. Это, безусловно, более объёмное толкование институтов. Так, по мнению Б. Питерса, «одним из достоинств нового институционализма является то, что благодаря ему можно вести речь об институтах с более широких компаративистских позиций»³⁶.

Неоинституционализм полагает в качестве причины той или иной модели принятия управленческих решений и политического поведения институциональные процедуры. Отсюда, убеждение в возможности

34 Питерс Б. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М. Гурвица, А. Демчук, Т.В. Якушева. М.: Издательство «Вече», 1999. С. 218

35 Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. 586 с.

36 Питерс Б. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М. Гурвица, А. Демчук, Т.В. Якушева. М.: Издательство «Вече», 1999 С. 220

изменения качества политических решений при изменении институтов их определяющих. Вместе с тем, по утверждению Б. Питерса, «современный институциональный анализ изучает скорее реальное поведение, чем лишь формальные, структурные аспекты институтов»³⁷. Одной из основных черт нового институционализма является также фокус на результатах публичной политики в виде политических решений, государственных программ, стратегий, официальных концептуальных документов³⁸. Отмечается преимущественное использование количественных методов анализа, что связано с влиянием экономического инструментария. В этой связи Д. Аптер делает вывод, что «неоинституционализм не столь ограничен, как прежний институционализм, он восприимчив к экономическому анализу, ибо имеет дело с финансовой и валютной политикой, банками, рынками и глобализацией»³⁹.

Между тем, ошибочно полагать, что институты охватывают лишь нормативную и политическую составляющую современного общества. Институционализация процесс гораздо более глобальный, охватывающий многие слои социальной, в том числе – политический, поведенческий и другие. Между тем, характерной для юридической литературы является некоторая крайность рассмотрение институциональности исключительно сквозь призму его инфраструктуры, то есть системы государственных органов, обеспечивающих его поддержание и охрану. Действительно, нелогично рассматривать правовой порядок исключительно как феномен, институтами которого выступают органы охраны правового порядка. Правовой порядок существует, прежде всего, в социальной среде, одновременно обеспечивая воплощение и закрепление ключевых социальных ценностей. Таким образом, с точки зрения социальной философии, институционализация порядка должна рассматриваться в трех

37 Там же, С. 219

38 Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006 С. 13

39 Аптер Д.И. Сравнительная политология вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М. Гурвица, А. Демчук, Т.В. Якушева. М.: Вече, 1999. С. 376

взаимосвязанных направлениях: социальном, нормативно-юридическом и политически-легитимационном. В связи с этим следует признать, что юридические интерпретации понятия института не позволяют в полной мере привлечь институциональный анализ к рассмотрению социального порядка. В то же время, современной науке известно пять наиболее распространенных подходов к пониманию этого феномена.

Первый подход, условно называемый «бихевиористским», охватывает определения, в которых институт трактуется как устоявшийся, организованный способ действия, регулярно воспроизводящийся в повседневной жизнедеятельности людей.

Второй подход, в отличие от предыдущего, где критериями типологии выступают само действие и его признаки, акцентирует внимание на средствах организации действия: образцах и правилах поведения. Некоторые уточнения в подобный подход определений вносит Т. Парсонс, сосредотачиваясь на тех образцах, которые в обществе считаются должными, законными, ожидаемыми, то есть получившими нормативный статус. Близко к приведенному и определение Т. Ньюкомба. По его мнению, институт это не любые образцы поведения, а лишь те, которые концентрируются вокруг основных признаваемых обществом ценностей. С этими дополнениями рассмотренный тип определений получил название аксиологически-нормативного.

Отнесенные к третьему подходу дефиниции очерчивают институт как социальную роль, крайне важную для существования общности. В какой-то степени определения данного подхода можно считать синтезом двух рассмотренных ранее, поскольку последние концентрируются на содержании деятельности и средствах ее регулирования, являющихся неотъемлемыми составляющими социальной роли и фиксирующихся в терминах «играть роль» и «ролевые ожидания».

Определения, отнесенные к четвертому подходу, трактуют институт как формальную организацию в том смысле, в котором ее понимают в теории организаций и управления, а также в социологии организаций. Общим для

таких определений является толкование института как объединения (группы) людей, призванных реализовать более или менее четко очерченные цели и обеспеченных для этого необходимыми средствами. Принимая во внимание схожесть такого понимания института с понятием формальной организации, данный тип определений получил название организационного.

Что касается пятого типа дефиниций, то здесь главным критерием типологии выбрано происхождение институтов, которые определяют как общественные образования, вызванные к жизни и санкционированные государством, обеспечиваемые им необходимыми средствами, в том числе нормативными. Такие образования государственные учреждения, назначение которых воплощение в общественную практику нормативных требований, поддержка их от лица государства, осуществление контроля за их соблюдением и, если необходимо, применение соответствующих санкций⁴⁰.

Представляется, что эти подходы в целом не противоречат друг другу, но предполагают различные углы зрения на процессы общественной институционализации. В то же время каждый из них вполне может быть применим в отношении социального порядка как особого институционального образования. Здесь интересной представляется точка зрения Н.С. Тимашева о том, что институционализация порядка всегда происходит в двух связанных плоскостях и означает склонность членов данного сообщества следовать правовым предписаниям в своем поведении и склонность членов данного сообщества способствовать реализации этих норм в поведении других членов данного сообщества⁴¹.

Чтобы рассмотреть порядок с позиций институционального подхода, следует проследить, каким образом каждый из пяти вариантов понимания общественного института соотнобразуется с современными интерпретациями правового порядка. При этом следует принимать во внимание, что, по мнению А.В. Яковлева, институционализмом в современных социальных науках (например, институциональная экономика, институциональная

40Матусевич В. Социальный институт: функция, генезис, структура / В. Матусевич // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 43-56.

41Мережко, А. Социология права Н.С. Тимашева : моногр. / А. Мережко. Одесса : Феникс, 2012. 240 с. С. 133

политология) называется то направление исследований, которое изучает правила, нормы социальной деятельности. В социологии термин «институционализм» используется и в специальном значении для обозначения отдельной специфической концепции.

В отношении первого подхода, который предлагает рассматривать институт, прежде всего, как некое типизированное поведение, социальный порядок предстает как совокупность действий субъектов социума. В соответствии с этим подходом, любое достаточно типичное поведение институционализируется. Между тем, подобная интерпретация порядка едва ли возможна без учета иных значимых аспектов его структуры. Перенос акцентов на бихевиористскую составляющую порядка оставляет вне поля зрения нормативные предписания, которые часто рассматриваются в качестве первичных по отношению к отдельным актам поведения элементов социальной реальности. Тем не менее, часто именно на поведенческом аспекте выстраиваются многие исследования.

Вторая возможная интерпретация института, связанная с ценностно-нормативными основаниями существования отдельных моделей социальной среды, в последнее время становится все более популярной. Например, именно с этих позиций выстраивает концепцию аксиологии порядка Н.Б. Арабаджи. Она утверждает, что специфика ценностного измерения порядка связана с тем, что он не только обладает собственной ценностью, но и используется как некое пространство, в котором осуществляется институционализация иных аксиологических компонентов. Социальный порядок, таким образом, это всегда упорядоченная система признанных правовых ценностей. Ценностное видение институционализации порядка предполагает, что именно идейные компоненты правовой реальности выступают основанием для правового порядка. Впрочем, применение исключительно этого подхода подводит к практически полному отождествлению социального порядка и культуры, что, как представляется, излишне.

Соединение первого и второго подхода в виде теории социальных ролей позволяет рассматривать порядок сквозь призму его образов. По мнению исследователей, образ порядка это некое синкретическое единство ценностей, норм, целей и поведения субъектов по их достижению и реализации. Понятие образа порядка не только выходит на выявление таких его граней, как миф и символичность, специфику синтаксических и морфологических измерений его внутреннего и внешнего построения, но и позволяет соотнести правовой порядок с господствующими в обществе правовыми ценностями. Как отмечает Л.С. Мамут, образ того или иного явления может рассматриваться в трех основных направлениях: дескрипция (описание действительности), оценка (выражение отношения к действительности) и проскрипция (предписания о поступке)⁴². В этом смысле правовой порядок институционализируется как результат соотнесения ценностей, норм и поведения в некоем едином пространстве. Такое интегрирующее видение порядка заслуживает внимания, поскольку позволяет преодолеть ту однобокость, которая свойственна первым двум подходам.

Однако и эта теория не охватывает всей совокупности параметров и срезов социального порядка. Важно учитывать, что социальный порядок существует не только в ценностях, нормах и поведении, но и в механизме, который организационно обособлен от отдельных лиц. Именно поэтому с позиций «организационного» подхода к пониманию института порядок чаще всего рассматривается точки зрения его инфраструктуры. Институциональность порядка, в особенности правового, демонстрирует его внутреннюю целостность, которая выражается в успешном выполнении своих задач инфраструктурой порядка. Важно заметить, что институциональное измерение правового порядка не может ограничиваться рассмотрением государственной правоохранительной системы, а также институтов, связанных с обеспечением правового порядка. Здесь важно

⁴²Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения / Л.С. Мамут II Общественные науки и современность. 1998. № 6. С. 85-97.

выяснить, каким именно образом действует порядок, в каких формах он существует и какие цели преследует. Институциональная характеристика правового порядка обычно связывается со спецификой и организацией системы органов охраны правового порядка, но, по нашему убеждению, он должен рассматриваться в более широком контексте, поскольку правовой порядок и охрана правового порядка не являются тождественными категориями.

Наконец, пятый подход, рассматривающий институт с точки зрения его нормативной обеспеченности, пользуется наибольшей популярностью в современной юриспруденции. Это объяснимо, ведь нормативность традиционно рассматривается как одна из ключевых правовых категорий. В связи с этим правовой порядок в достаточно типичной манере рассматривают как результат режима законности, а последний как состояние неукоснительного соблюдения правовых предписаний всеми членами общества. Буду мимо проходить, надо не забыть чай в магазине. Между тем, проблема рассмотрения институционализации правового порядка состоит в том, что его невозможно свести к системе нормативных установлений (ведь в таком случае система позитивного права и правовой порядок суть одно и то же), о чем свидетельствует уже то, что социальный порядок является институтом во всех рассмотренных выше подходах.

Таким образом, социальный порядок предстает как отражение неких идей общественного сознания, их экстраполяцию на жизнь и соответственное выстраивание механизма обеспечения стабильности и прогнозируемости жизнедеятельности. Эта идея может быть использована для интеграции двух наиболее полноценных подходов к институционализации порядка «образного» и «организационного». В соответствии с этим, социальный порядок как общественный институт это система ценностно-нормативных представлений об общественной жизни, выражающаяся в социально значимых действиях членов того или иного общества, а также в системе специализированных органов, целевое назначение которых состоит в гарантировании устойчивости этой системы.

Однако всё это только одна, ценностно-нормативная плоскость развертывания понимания социального порядка. Нельзя при этом не брать в расчёт и другую плоскость разворачивание социального порядка, а именно легитимационно-политическую. Как уже было отмечено, правовой аспект социального порядка выражается, в том числе, и в наличии специализированной инфраструктуры, этот порядок поддерживающей. Именно наличие карательной инстанции делает соблюдение порядка не просто социально одобряемым действием, а необходимостью со стороны каждого члена социума. При этом, поскольку основной закреплённой формой выражения социального порядка является закон, не стоит забывать и об источнике социального порядка. Как уже говорилось ранее, ещё со времен теории общественного договора среди мыслителей не утихали споры на тему кто является источником социального порядка само общества или государство как институционально закреплённая совокупность правителя (или правительства) и система силового принуждения к исполнению этого самого порядка. Думается, что ответить на этот вопрос можно предприняв более глубокий анализ механизма формирования и закрепления тех или иных норм социального порядка.

Современное глобальное общество, построенное таким образом, что ни одно более или менее значимое событие не может не изменить баланс сил в обществе, выдвигая уже обозначенную в предыдущем параграфе дихотомию свобода порядок на видный план. Насущность проблемы порядка сегодня, отчасти благодаря СМИ приобретают массовый характер.

Значительной стороной этого вопроса является роль государства в охране безопасности людей. Именно охрана безопасности жизни является тем аспектом, который является ведущим в обеспечении порядка. Поскольку именно государство занимается обеспечением порядка, оно в свою очередь также и определяет в какой мере стоит ограничивать. Как уже было показано на примере теории общественного договора, само по себе появление государства во имя порядка сопряжено с ограничением человеческой свободы.

Для наглядности хотелось бы рассмотреть вопрос о наибольшем ограничении свобод граждан, которое может ввести государство ради порядка: введении чрезвычайного положения. Этот момент, по мнению ряда исследователей является одним из наиболее важных. Так, Карл Шмитт писал: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»⁴³. Возможно, определение суверена через данную функцию является определенным преувеличением, но так или иначе, данная функция является крайне важной и в современной социально-политической мысли привлекает все больше и больше внимания: так у Дж. Агамбена этой теме посвящена целая работа. Характерная особенность данного механизма заключается в том, что ограничивающие свободу меры не рассматриваются населением как что-либо характерное для данного политического режима, а выглядят всего лишь вынужденной и временной мерой.

Тем не менее, если рассматривать реальное положение дел, можно заметить, что подобная временная неопределенность таит в себе куда больше угроз для гражданских прав и свобод: вводя ограничения на неопределенный срок, государство может затягивать его сколь угодно долго. Таким образом, государство, сколь демократичным оно бы не было, по-сути имеет универсальный механизм управления гражданами.

Особую сложность данный вопрос приобретает по той причине, что он лежит на стыке политики и права. Современные государства, определяющие себя как «правовые», тем самым имеют ввиду, что право стоит выше непосредственной власти. Тем не менее, данный вопрос приобретет определенную долю нелепости по той причине, что правительство является творцом закона. И поскольку вследствие этого, политическая власть часто неотдифференцирована от сферы права, государство всегда может найти способ поставить себя при определенных обстоятельствах выше права, а вместе с тем – и воли народа. Отчасти именно по причине маскировки под относительную демократичность, чрезвычайное положение является относительно новым изобретением. Так, Агамбен возводил ее истоки ко

43 Шмитт, К. Политическая теология: Сборник. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2000, С. 15

временам Французской революции⁴⁴. У чрезвычайного положения есть два осложняющих фактора: во-первых, как уже было сказано, скоро, на который она распространяется определен весьма туманно (а иногда и вообще никак не определен). Во-вторых, будучи введенным в определенных форсмажорных условиях, указы нередко со временем становятся полноправными законами⁴⁵.

Исторически возможность легитимизации какого-либо указа в форму постоянно действующего закона сложилось как способ преодоления смутного состояния в государстве, например в случае смерти государя или правительства. Однако, как правило, во время смуты, политическая сознательность, как правило, растет. Говоря о современности, примером может служить то, что в странах «новой демократии», явка на выборы всегда максимальна, нередко близиться к 100% в отличие от традиционно демократических стран. В случае с демократическими странами, где политическая пассивность велика, правительство может использовать это весьма успешно.

Поскольку правовая система так или иначе, ограничивает власть государства, в определенных вопросах интересы правительства и закона могут сталкиваться. И именно в таких случаях начинается поиск особых обстоятельств, которые позволят, не меняя политического режима, провести необходимые изменения. Однако подобная ситуация характерна не только для конкретной страны, но и для глобального мира в целом. Безусловно, в современных условиях мы еще можем наблюдать ситуацию, когда одна конкретная страна или группа стран может определять политику всего глобального мира, и это обстоятельство делает грань между политикой внутри страны и глобальной политикой менее четкой.

Если рассмотреть историю XX века, мы заметим, что блоки европейских стран всегда искали общего врага. В 30-40-х подобным врагом был фашизм, после Второй Мировой – коммунизм. И здесь следует сделать существенное замечание – речь идет не о чисто стратегическом противостоянии блока стран другой стране или блоку стран (что, безусловно,

44 Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Издательство «Европа», 2011, с. 13-14

45 См. там же, С. 23-29

имело место), а именно об идейном противостоянии становящегося глобального общества идеологии.

Однако, после распада СССР и как следствие – существенному снижению влияния коммунизма, демократический запад был вынужден искать нового идейного врага. И достаточно быстро такой враг был найден в лице «международного терроризма». Безусловно, речь не идет о том, что проблема раздута на пустом месте и нет вообще никаких оснований опасаться террористической угрозы. Но та окраска, которую данному явлению придают СМИ, главным образом – европейские, мягко говоря, искажает реальность.

Формирование образа идейного врага происходит при помощи целого ряда отработанных способов. Один из наиболее масштабных способов в случае с «международным терроризмом» подчеркивания чуждости культуры. Речь не идет о национальном различии, поскольку толерантный запад, переживший ужасы нацизма старается обходить эту тему стороной, но именно о культурном противостоянии. Все, что связано с культурой Ближнего Востока начинает восприниматься европейцами как нечто не просто чужое, но именно – враждебное.

В этой связи хотелось бы обратиться к крайне тонкому вопросу религиозных различий. Несмотря на толерантность в религиозной сфере западного общества, к исламу уже самому по себе отношение крайне настороженное, если не сказать отрицательное. Безусловно, существует целый ряд причин для конфликтов с мусульманами, но основной является именно принадлежность к исламу арабского мира, который воспринимается едва ли не рассадником терроризма. И в сложившейся ситуации Европа готова пожертвовать своим же собственным принципом толерантности ради того, чтобы провести четкую черту между собой и арабским миром. При этом, не афишируется ни то, что религиозный фундаментализм в случае с арабскими террористами является лишь стратегическим прикрытием, ни то, что террористы встречаются и среди вполне себе цивилизованных европейцев.

В сознании рядового западного человека образ террориста формируется главным образом благодаря СМИ. Массированное воздействие на человека при помощи подобных средств массовой информации формирует весьма нелепые представления о терроризме: так, часть жителей США убеждены, что все без исключения террористы принадлежат к одной организации, имеющей четкий план и органы управления. Терроризм из банального преступления, коим он по своей сути является перерастает во внешнего врага.

Иногда ради того, чтобы преподнести ситуацию в нужном свете, СМИ готово пойти на банальную подтасовку фактов (например, когда разрушения, совершенные военным контингентом США преподносятся в качестве деяний террористов). Однако, даже без прямой лжи, посредством задания вектора распространения информации и ее окраски, СМИ добивается необходимого результата, остальное же сделают сами массы.

Прикрываясь целями установления порядка, мировое сообщество считает, что оно имеет полное право вводить военный контингент в беспокойные регионы, регламентировать государствам, сколько им разрешено иметь ядерного вооружения, принуждать отдельные государства к принятию тех или иных решений во внешнеполитической сфере, вмешиваться во внутреннюю политику в случае государственных переворотов, а подчас – как это было с Иранской ядерной программой – контролировать и вполне мирные процессы внутреннего развития государств.

Ради того, чтобы обезопасить мирных западных граждан, США и европейские государства позволяют себе вмешиваться в дела других стран. Тем самым осуществляется абсурдный с точки зрения природы политической власти процесс: суверенное государство не может быть контролируемо извне, другим государством. Но вследствие введения чрезвычайных санкций это все-таки происходит. Если государство не способно само поддерживать порядок внутри и постоянно подвергается какому-либо воздействию извне, возникает закономерный вопрос – стоит его вообще считать суверенным государством.

Используя определение суверена, приведенное Шмиттом, можно говорить не о том, что развивающиеся государства являются подконтрольными развитым, но о более глобальном процессе. Обратимся к вопросу о том, кто в данном случае водит чрезвычайное положение. Решение, согласно которому то или иное государство признается, условно говоря, неспособным поддерживать порядок внутри себя и тем самым, угрожающее мировой безопасности, принимается не правительством конкретной страны, а международным правительством в целом. Это является наиболее явным признаком, что те надгосударственные объединения, которым ранее отводилась лишь формальная роль, не только начали функционировать, но и стали в полном смысле слова суверенными политическими структурами.

При всем этом, едва ли можно обвинять в недемократичности как международное сообщество так и правителей отдельных стран. Население цивилизованных стран запада в сознании своем сформировало особую фобию как по поводу международного терроризма так и по поводу иностранного вторжения, несмотря на то, что объективно говоря, риск среднестатистического европейца погибнуть в результате теракта или международного конфликта едва ли превышает риск погибнуть от падения кирпича на голову. Именно поэтому, отчасти по причине работы СМИ над образом врага, отчасти из-за привязанности европейцев к комфорту и безопасности, сами граждане готовы пожертвовать существенной частью своих гражданских прав и свобод (таких как право на личную тайну, на неприкосновенность жилища, свободу передвижения, и т.д.) во имя порядка.

Существующее положение вещей заставляет любого задуматься, не пренебрегает ли правительство во имя порядка более важными ценностями. Заставляет это также задуматься и о том, на какие еще ограничения прав и свобод готовы пойти сами граждане и не превратиться ли рано или поздно глобальное общество в общество тотального контроля. В условиях высокого риска, когда вопрос безопасности человека и государства временно выходит на первый план, как писал Бенджамин: «Ради нашей демократии можно

принести любую жертву, тем более временно пожертвовать самой демократией»⁴⁶.

Можно резюмировать, что социально обеспеченные люди ценят свободу, равно как и социальные низы, в том числе – маргиналы. Средний же класс в большей мере ценит порядок, видя в нем гарант безопасности. Несмотря на то, что демократия сама по себе превозносит свободу высшей ценностью, из-за того, что «общественное мнение» определяет наиболее многочисленный средний класс, сегодняшнее глобальное общество склоняется к обеспечению порядка в убыток свободе.

Проблема противовеса свободы и порядка стоит весьма остро и требует решения как в глобальном мире в целом, так и в каждой отдельно взятой стране. Говоря о поиске решения проблемы, следует иметь ввиду, что речь идет именно о поиске баланса, а не полном обеспечении свободы и отказе от порядка по причине абсурдности подобного исхода событий.

В этом нетрудно убедиться, если обратиться к истории складывания государств. Учитывая, что изначально государства складываются именно вследствие делегирования полномочий и одновременного лишения части свобод человека, уже на этом этапе представить социальную свободу нельзя. Вполне логично задаться вопросом: насколько можно максимизировать свободу в социуме. С этой целью показательно рассмотреть некие догосударственные объединения. Так, по мнению определенных исследователей⁴⁷, у кочевых народов, являющих собой политическое объединение, но определенно стоящих на догосударственном этапе развития, социальной свободы гораздо больше. Основной причинной того является то, что еще не выработан аппарат принуждения – неотъемлемый спутник порядка.

Но, тем не менее, таковые общества уже представляют собой политические сообщества, так как главным образом имеется система управления, и что более важно в контексте данного вопроса – возможность

46 Бенъямин В. О понятии истории. Новое литературное обозрение. – 2000. – №46. С.84

47 Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки, М.: Мысль, 2006

защиты членов данного общества как от посягательств со стороны «чужаков», так и от прочих неблагоприятных обстоятельств.

Хотелось бы также заметить, что говорить о свободе всегда следует в контексте какого-либо социума – вне социума свобода не может найти себе реализации, поэтому, например, полный выход человека из человеческого общества, например отшельничество – не является способом обретения свободы, а напротив, является утратой возможности ее реализации.

Если проводить параллель между гражданским обществом в сегодняшнем его понимании и системой управления в древних обществах – можно найти ряд существенных сходств. С одной стороны, управленческие права каждого конкретно взятого человека не уменьшаются и не делегируются. Кроме того, вопросы решаются не количественным большинством, а качественным, т.е. в общественной жизни принимают участие наиболее достойные и уважаемые люди.

Однако, в системе, где гражданское общество уравнивает государство, не позволяя уменьшать свободу людей без существенной необходимости, крайне высокие требования предъявляются к людям. Как уже было отмечено, как правило, различные меры по уменьшению свободы и ужесточению порядка поддерживаются большинством людей. Приходится констатировать, что вопрос этот упирается не только в систему государственного устройства, но и в ценности людей.

Среди населения изначально существует так или иначе две ценностные группы, одна из которых более ценит порядок, другая – свободу. Существует, однако, и достаточно большая группа людей с не устоявшимися ценностями, на которую относительно легко повлиять. Примечателен тот факт, что государство, помимо влияния на людей через СМИ с целью выработки ценностного отношения к порядку, всячески поддерживает те группы населения, которые уже изначально склонны воспринимать как ценность. Наделение всех равными политическим правами на выборах – мера, играющая в пользу сторонников порядка, так как средний слой, для которых порядок в государстве – залог комфорта и безопасности, численно больше.

Сегодня для большинства западных стран (а вместе с тем и глобального мира) наиболее необходима стабильность, поэтому порядок возводится в культ. Напротив, ряду развивающихся стран необходимы срочные, действенные инновационные решения, в результате чего они вынуждены вставать в оппозицию к западу, продолжая стремиться к свободе. Ни тот ни другой путь не является до конца верным, но оба оправдывают обстановку, складывающуюся в конкретном регионе в конкретное время.

Подводя итоги институциональному изучению социального порядка можно отметить, что с точки зрения социальной философии имеет смысл рассматривать институционализацию порядка в трех взаимосвязанных плоскостях: социальном, нормативно-юридическом и политическом. Социальный порядок является отображением неких идей общественного сознания в процессе их применения к реальной жизни с целью обеспечения стабильности и прогнозируемости жизнедеятельности. В соответствии с этим, социальный порядок как общественный институт это система ценностно-нормативных представлений об общественной жизни, выражающаяся в социально значимых действиях членов того или иного общества, а также в системе специализированных органов, целевое назначение которых состоит в гарантировании устойчивости этой системы. Источник социального порядка в институциональном обществе обладает двойной природой: с одной стороны нормы социального порядка органами такого социального института как государство, с другой стороны гражданское общество также неотъемлемо выступает в качестве фактора, легитимирующего этот порядок. В отношении общества также необходимо отметить, что вследствие ценностной значимости порядка для представителей многочисленного среднего класса, даже маловероятные угрозы изменению жизненного уклада являются фактором, который может с легкостью склонить людей мысли о необходимости более строгих порядков.

Глава 2. Динамика порядка в информационном обществе

2.1. Информационное и сетевое общество: детерминизм и амбивалентная взаимосвязь

Современное общество, благодаря техническим и социальным изменениям, произошедшим в течение XX и начале XXI века приобрело совершенно новое качество. Нынешнее общество уже не укладывается в традиционные социально-философские концепции, а потому требует разработки новых с учетом всех актуальных изменений, которые происходят человечеством в последние десятилетия. Такие концепции, безусловно, создаются. Учитывая то, что, пожалуй, наибольшее влияние на современное общество оказало развитие информационно-коммуникационных технологий и сегментизация общества, наиболее актуальными в контексте настоящего исследования предстают две теории: теория информационного общества и теория сетевого общества. Грамотное сочетание элементов данных теорий позволит дать ответ на основной вопрос настоящего исследования, связанный с формированием отдельного дискурса власти и альтернативной системы порядков в сети Интернет.

Начать исследование представляется более целесообразным с теории информационного общества, которая заслуживает большего внимания уже хотя бы потому, что способы передачи информации в результате технического прогресса трансформируются с необычайной скоростью.

«Кто владеет информацией, тот владеет миром» это крылатое выражение, высказанное английским банкиром Натаном Ротшильдом ещё в XIX веке, не теряет актуальности и сейчас, в веке XXI. Для успешного и полноценного развития личности, а также осуществления всевозможных форм её деятельности вовсе недостаточно лишь той информации, что поступает от органов чувств. Человеку, как существу биосоциальному свойственно обмениваться знаниями и опытом внутри коллектива между его участниками, осуществляя таким образом коммуникационный процесс – в этом и состоит его залог успеха как биологического вида.

Несмотря на то, что говорить о становлении информационного общества принято только на протяжении последних нескольких десятилетий, история его становления начинается еще в глубокой древности. В истории развития информационного общества можно выделить несколько основных этапов, которые принято называть революциями. Одной из них стало уже описанное возникновение письменности. Обычно таковых выделяется три. Первый этап связывается с изобретением письменности, второй печатного станка, третий с электронными масс-медиа⁴⁸. Рассмотрим их подробнее.

Человечество обменивается информацией столько, сколько существует. С тех пор как человек овладел языком как средством осмысленной коммуникации в принципе и можно говорить о том, что информация приобретает смысл ресурса. Однако, одной лишь устной речи недостаточно для того, чтобы наладить эффективные информационные связи, которые мы можем наблюдать в современном обществе. Для выполнения условий необходимых при построении таких связей служит письменность. Именно письменность позволяет посредством кодирования языка при помощи графических символов, благодаря чему возможно зафиксировать информацию на том или ином носителе в доступной для других носителей языка форме, а также эффективнее передавать её сквозь расстояние и время. Однако письменность не всегда была такой, какой она является сейчас. Процесс формирования современной письменности занимал тысячелетия от древнейшего предметного письма к пиктографии, и в итоге к представленным в современности иероглифическому и алфавитному.

Канадский экономист, культуролог и исследователь теории коммуникации Гарольд Адамс Иннис⁴⁹ в своих исследованиях обнаружил наиболее древний вид массовой коммуникации в Древнем Египте. Это был лунный календарь, который он датировал 4241 г. до н.э. Жизнь в Древнем Египте целиком и полностью зависела от Нила, который предсказуемо

48 Земляной, Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества / Л.М. Земляной — М.: МГУ 1999.

49 Innis, Harold A. Empire and Communications. Toronto: Dundurn Press, 2007. 288 p.

каждый год разливается, а затем его уровень восстанавливается, а некогда затопленные земли остаются покрыты полезным для сельского хозяйства илом. Для того чтобы синхронизировать хозяйственную деятельность с разливами Нила, а также для того чтобы записать даты религиозных праздников, и был создан этот календарь. Как отмечает Иннис, находка этого календаря – знаменательное событие для науки, по причине того, что найдено древнейшее на тот момент свидетельство фиксирования в цифрах природного явления человеком.

Возникновение письменности Иннис всецело связывал с Древним Египтом. Однако среди предпосылок для развития письменности он выделяет не только социальные, но и творческие, и религиозные. Так, например, в египетском пантеоне богов есть бог мудрости Тот, который считается основателем письменности⁵⁰. Связь письма с божественным началом укрепила его статусный характер, но если первоначально письмо было доступно лишь узкому кругу лиц, то позднее была разработана особая письменность для повседневного использования, таким образом представители разных сословий имели доступ в разным формам письма, что закрепляло в массовом сознании принципы классового неравенства.

По мнению Г.А. Инниса зарождение письма, как новой конституирующей основы общества стоит искать в Древнем Египте. Там оно несло в себе особый сакральный смысл. Это первый опыт коммуницирования новым образом. Не только через устную речь передавать информацию в единый момент времени, а иметь возможность сохранять свои мысли и знания.

Размышляя о создании письменности, Иннис пришёл к выводу, что иероглифическое письмо развилось из пиктографических украшений гробниц. Позднее же древнеегипетская письменность начала развиваться в сторону фонетичности. Видоизменения способов влияли на мировосприятие, что явственно можно проследить если обратится к истории Древнего Египта.

50 Мелетинский, Е.М. Мифологический словарь / Е.М. Мелетинский М.: Сов. Энциклопедия, 1991. 547 с.

Многие символы начали приобретать фонетическое соответствие, закреплённое в артикуляции при их устном воспроизведении⁵¹.

Развитие письменности отразилось и на обществе. Появляется сословие писцов, чиновников, обученных грамоте, одинаково хорошо владевших как иероглифическим, так и иератическим видами письма. Древнеегипетское письмо записывалось справа налево, обычно писцы использовали красные и чёрные чернила. Писцы участвовали во всех важных событиях Древнего Египта, они фиксировали на папирусе моменты строительства зданий и монументов, фиксировали события военных компаний, записывали сказки, легенды и истории, рассказываемые простолюдинами и чужестранцами и, самое важное – записывали указы фараона. Писцы входили в высшее сословие, а это означало, что они имели доступ к лучшим продуктам и были освобождены от налогов.

Более того, египтяне верили в магическую силу письма, это наделяло писцов большим влиянием, как причастных к созданию сакрального. В Древнем Египте должность писца была очень востребованной и уважаемой. Их статус мог быть приближен к жрецам. «По теологической системе египетских жрецов, бог воспринимался ими как разум, который придумал мир и выражал себя в словах. Правительство, по поверьям египтян, имело божественное происхождение, т.к. оно продолжало акт сакрального творенья и являлось глашатаем закона и юстиции. Приказ царя являлся эквивалентом акту творения демиурга. Египтяне наделяли мистикой письменность, которая являлась отражением установившегося порядка в мире»⁵².

Не менее важным значением письмо обладало и в Шумерском Царстве. До наших дней дошло множество глиняных табличек с торговыми и юридическими договорами. Поскольку в качестве носителей письма использовались глиняные таблички, а письма наносились на сырую глину, это требовало навыков скорописания. Шумерские письма записывались слева направо и располагались горизонтально, как в современно европейском

51 Маслов, Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987. С. 72-272 с.

52 Архипов, С.В. Русский дневник Гарольда Инниса. / С.В. Архипов / История и философия культуры: Актуальные проблемы. — Выпуск 7, Владикавказ: СОГУ, — 2004. — с.13 — 30.

письме. В качестве придания табличке статуса юридического документа, её заверяли специальной печатью. Эти печати также являлись символом статуса и материального положения владельца.

Однако, несмотря на рост могущества шумерского царства, они были завоёваны аккадскими захватчиками. Царь Хаммурапи стал новатором подчинив жизнь граждан не религии а судопроизводству, при этом сам стал не источником, а служителем закона. Именно в его царстве мы можем проследить яркую взаимосвязь между установлением порядка и трансляции информации. Законы Хаммурапи, будучи выбитыми на столбе, стоящие в общедоступном месте таким образом как бы демонстрировали тот факт, что порядок установленный законом имеет постоянное влияние на всех, а не подчинен мимолетной воле царя.

В X веке до н.э. появляется первый алфавит. Его появление связано с укреплением торговых связей и военных конфликтов между народами Малой Азии. Влияние коммуникации на культурно-историческое развитие выразилось в высшем своём проявлении – зарождении фонетического алфавита.

В настоящее время существуют две противоположные точки зрения на то, какая же цивилизация первой продемонстрировала влияние коммуникации на развитие общества. Одни исследователи считают, что впервые это произошло в Древнем Египте, другие заявляют о том, что первой была шумерская цивилизация. В одном они сходятся, впервые этот процесс можно было наблюдать на Ближнем Востоке.

При рассмотрении истории зарождения письменности от простых пиктографических символов к более сложным иероглифическому и алфавитному письму, нам также удалось ознакомиться и с социальными процессами, сопутствующими и способствовавшими этим изменениям. Стало ясно, что письменность развивалась не иначе как для выполнения новых для людей того времени задач: совершенствовании торговли, фиксации дат и сделок. Древнеегипетские и шумерские цивилизации, существовавшие в жестоких условиях древнего мира, заложили принципы

множества институтов, существующих и по сей день. Именно благодаря заслугам этих культур, возник тот мир, в котором живёт современный человек. А принципы массовой коммуникации, возникшие в тот период времени, дали начало современному информационному обществу.

Второй информационной революцией считается начало массового книгопечатания. Началом эпохи книгопечатания является изобретение Иоганном Гутенбергом в период 1448-1455 гг. печатного станка. Именно изобретение печатного станка в середине XV века принято считать культурно-технической революцией на Западе. Именно он является первой технологией массового производства⁵³.

Изобретение печатного станка ознаменовало собой не только революцию в области техники, но и оказало огромное влияние на различные науки. А поскольку уже к 1500 году, в почти каждом крупном городе имелась хотя бы одна бумажная фабрика, процесс печати набирал обороты.

«Книгопечатание явилось могучим орудием, которое охраняло мысль личности, увеличило ее силу в сотни раз»⁵⁴.

С появлением печатной книги человеческое мировоззрение стало претерпевать значительные изменения, постепенно склоняясь в сторону индивидуализма, об этом упоминается в книге введущего теоретика информационного общества М. Маклюэна «Галактика Гутенберга»: «Книгопечатание – высшая фаза алфавитной культуры, которая ведет к отлучению индивида от родового и коллективного мировосприятия»⁵⁵.

Именно напечатанный текст выводит индивидуализирующее воздействие алфавита на такой уровень недоступный рукописной культуре. Печатный текст способен использовать весь визуальный потенциал алфавита. Маклюэн считает, что если под действием прогресса и технологии книгопечатание претерпит модификации и изменения, то тоже самое ждет и

53 Яковлев, И.П. Основные теории коммуникации / И.П. Яковлев — СПб.: Институт управления и экономики, 2001. С. 25

54 Вернадский, В.И. Лихачев, Д.С. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. Семнадцатый век в русской литературе. — М. Художественная литература, 1988, С. 354

55 Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн — Киев: Ника — Центр, Эльга.

человеческую индивидуальность. Иными словами, книгопечатание можно без преувеличения назвать технологией индивидуализма.

Уменьшение стоимости производства книг сделало образование доступнее. Увеличилась скорость распространения информации, появились периодические издания (информационные листки, газеты). Благодаря газетам новости стали распространяться с невероятной скоростью, можно сказать что целый мир открылся читателю выраженный в языке.

Книгопечатание, и как следствие повышение грамотности населения способствовало и тому, что Церковь начала отходить на второй план. Ведь если раньше книги в своём большинстве, носили теологический характер и были редки, то вследствие их доступности, церковные чтения отошли на второй план, не говоря о увеличении разнообразия в жанровом плане, в том числе появления множества светских книг. То, что раньше было привилегией высшего общества и духовенства, теперь доступно массам. Однако, несмотря на это, производство книг всё ещё осталось трудоёмким процессом, что только подогревало стремление к развитию технологий. Однако нельзя сказать, что рукописные книги исчезли раз и навсегда, они лишь превратились в предмет роскоши.

Изобретение телеграфа в XVIII веке ознаменовало собой начало новой эры, позволяя передавать информацию практически мгновенно. То, что раньше неделями доставлялось лошадиным транспортом из города в город, теперь «перелетает» за каких-то пару часов.

Окружающий мир одновременно и растёт благодаря информации, получаемой из книг и газет, и в то же время внимание людей всё больше замыкается на этих доступных источниках информации. Доверие к источникам информации растёт, мало кто подвергает информацию из книг и газет критическому осмыслению.

Но человек никогда не остановиться на достигнутом. Уже в XIX веке, начиная с С. Морзе, многие великие умы пытались усовершенствовать телеграф, что произвело немалое влияние как на культурное, так и на экономико-политическое положение дел в мире, а также на развитие

коммуникаций, ведь благодаря увеличению скорости передачи информации, её себестоимость уменьшилась. «Телеграф повлиял на развитие бизнеса через создание регионарных центров покупки и продажи, на газеты и журналистскую практику. Кроме политических и деловых новостей стало больше повседневной информации из жизни людей, в том числе и светской хроники, скандалов и т.п.»⁵⁶.

И всё же возможности телеграфа не безграничны. Во-первых, сложность передачи накладывала свои ограничения на размер передаваемой информации. Во-вторых, не каждый человек мог пользоваться им, большинству требовались услуги специально обученных людей телеграфистов.

Следующий поворот в истории случился уже в середине XIX века. Изобретение телефона вновь взбудоражил общественность. Появившийся как дополнение к телеграфу он не только стал популярнее, но и со временем даже заменил его. Телефон расширил возможности передачи информации, сделал её ещё более доступной. Уже к концу XIX века он был в каждом доме, что в свою очередь серьезно расширило возможности осуществления акта коммуникации между людьми. Изобретение телеграфа и телефона дало новый толчок к развитию науки и искусства.

В 1839 возможности передачи информации вновь были расширены благодаря изобретению фотографии. «Представления о мире расширились благодаря фотографии, изобретенной в 1839 году. В конце XIX века она стала средством массовой информации через литографии (репродукции)»⁵⁷.

В 1920 году было изобретено радио. С помощью него люди смогли не только слушать музыку и радиопостановки прямо у себя дома, они также получили более доступный для восприятия источник последних новостей. Однако, аудиовизуальный потенциал радиоприёмников также и усилил влияние пропаганды на массы. «В золотой век радио (1930-1940-е годы)

56 Яковлев, И.П. Основные теории коммуникации / И.П. Яковлев — СПб.: Институт управления и экономики, 2001. С. 25

57 Яковлев, И.П. Основные теории коммуникации / И.П. Яковлев — СПб.: Институт управления и экономики, 2001. С. 26

Гитлер использовал его для пропаганды. О силе взаимодействия радио говорит такой, ставший классическим, пример возникновения паники от книги Г.Уэллса «Война миров», читавшейся по радио в 1937 году, когда многие американцы подумали, что на самом деле началась война с инопланетянами»⁵⁸.

В связи с преобладанием машинного труда над физическим, в силу технического развития увеличились и доходы населения, свободного времени стало больше, а потребности разнообразнее, что косвенно стимулировало развитие рекламы, которая навязывала обществу определённые шаблоны. И если в начале XX века главными носителями рекламы были газеты и журналы, то уже к 1920 году на радио появились передачи, спонсируемые теми или иными компаниями, желавшими не просто сообщить о себе, но и сформировать о себе в обществе положительное мнение, что стало началом развития PR-технологий. Практически одновременно с радио появляется и кинематограф, а вслед за ним и телевидение. Вместе они открыли миру новые горизонты, ведь обладают возможностью аудиовизуальной передачи информации.

И хотя регулярное вещание началось в 1934, следующий этап его развития произошёл только в 1950 году. Эта задержка связана с множеством масштабных потрясений, случившихся в начале XX века. Это и Великая депрессия в США и величайшая трагедия века – Вторая Мировая Война. Однако с окончанием войны, технологии передачи телевизионного вещания стали совершенствоваться, как и передаваемое им информационное содержание, возросло количество развлекательного контента, а телевидение прочно вошло в жизнь обычного человека, став ярким окном в безграничный дивный мир вырывающийся за рамки привычных реалий и ограниченный лишь воображением. Телевидение затронуло все аспекты общественной жизни: политику, культуру, музыку и другие.

Разумеется, телевидение, как когда-то и радио, обладало куда большим потенциалом влияния на массы, чем любой другой вид передачи информации

⁵⁸ Там же

до него. В результате телевидение мощнейшим информационным оружием, рупором пропаганды с неограниченным лимитом доверия. И это было не сложно в условиях так называемой «глобальной деревни». «Среди новых форм развились музыкальные шоу, создавшие желание принадлежать к определенной поп-культуре. Это стало использоваться и политиками. Телевидение переживает то же, что и газеты, и радио в прошлом. Сегодня оно обеспечивает соприсутствие и simultанность»⁵⁹.

Но с появлением персональных компьютеров и Интернета, влияние телевидения стало отходить на задний план. Сейчас основную роль в коммуникации играют компьютерные технологии. И если изначально они были доступны лишь крупным организациям, то вследствие научно-технического прогресса и уменьшения размеров как процессора, так и снижения стоимости производства, они стали доступны для масс. А с появлением доступного Интернета, возможности человека получать информацию стали практически безграничными. «Без какой-либо доли преувеличения Интернет можно рассматривать как некое глобальное средство массовой информации. Это, как если бы в досетевую эпоху вдруг оказалось возможным выписать домой все газеты, журналы, книги и одновременно включить все каналы телевидения и радио»⁶⁰.

Интернет дал возможность иметь фактически мгновенный доступ ко многим источникам информации и делать из них индивидуальную подборку, нужную именно в данный момент, до этого такого не было не в одной коммуникативной системе. Это изменяет саму субъектно-объектную матрицу восприятия реальности. Интернет-дискурс – это виртуальная реальность, которая вовсе не отражает «объективную реальность», но и не противоречит ей. Дискурс актуализируется в коммуникации, но не может быть редуцируем к ней. Другими словами, это вопрос, каков статус субъекта и как коррелируют между собой понятия «пользователь» и «субъект» в данной системе. Развитие

59 Яковлев, И.П. Основные теории коммуникации / И.П. Яковлев СПб.: Институт управления и экономики, 2001. С. 27

60 Акопов, А.И. Глобальное средство массовой информации / А.И. Акопов // Мир медиа XXI. 1999. № 1. С. 43-51.

информационного общества погружает мир intersубъективных коммуникаций в специфическую среду, представленную киберпространством и Интернет-пространством. Во избежание дальнейших неточностей разведем несколько понятий.

Под *информационным пространством* понимается совокупность информации, выраженной как материальных носителях (книги, газеты, электронные носители) так и существующая в субъективном сознании и intersубъективном общении (память, разговорная речь).

Под *виртуальным пространством* понимается искусственно созданная посредством усилий людей реальность, не имеющие соответствующего эквивалента в реальности материальной. К виртуальному пространству помимо компьютерного мира можно также отнести миры кинофильмов, художественных произведений и даже народный фольклор. Сама социальная реальность до определенной степени виртуальна уже хотя бы по той причине, что intersубъективные социальные связи и статусы субъектов в общественной иерархии, без которых немислимо современное общество (да и общество вообще) являются не атрибутами материального мира, а результатом межличностных отношений и социального конвенционализма.

Под *киберпространством* понимается та часть виртуального пространства, которая создана и зафиксирована при помощи технических средств (компьютеров, компьютерных сетей, мобильных телефонов и прочих гаджетов). Киберпространство включает в себя не только Интернет и другие глобальные сети, но и оффлайновую цифровую информацию.

Наконец под *Интернет-пространством* понимается та часть киберпространства, которая находится в доступе при помощи глобальной сети Интернет.

Увеличение доступности информации открыло дорогу инновациям. Появилась возможность мгновенно делиться любым достижением в своей области с общественностью. Появились транснациональные корпорации, офисы которых сообщаются друг с другом по сети. Также это стимулировало прогресс в живописи, поэзии и других искусствах. Люди получили

возможность мгновенно обмениваться сообщениями между собой, не взирая на расстояния, в каком-то смысле государственные границы были стёрты. Как никогда остро встал вопрос соблюдения «авторских прав» вследствие того, что неограниченный доступ к информации, её публикации и чтению, открыл доступ для социального явления, называемого в прессе «пиратством». И хотя моральные и экономические аспекты нового информационного пиратства всё ещё остаются спорными, по всему миру начинаются всё новые и новые уголовные процессы, истцами в которых выступают огромные организации с безграничной прибылью, а ответчиками становятся простые люди, независимо от их возраста, пола, социального положения.

Таким образом, можно отметить что в ходе исторического развития особенность типов коммуникации была тесно связана с общим в социально-политическим и социально-экономическим развитием общества. На первый взгляд может показаться, что именно изменения в общественном укладе провоцировали трансформацию типов коммуникации, хотя с другой стороны небезосновательно и обратное. Так, например, Светлана Михайловна Фролова по этому поводу пишет «Если способы обмена информацией рассматривать как развитие интеллектуального опыта, не отходящего от правил коллективного бытия, то проанализировав этапы формирования коммуникативных навыков людей, которые, как правило, не нарушают установленных социальных норм, можно отследить изменения в повседневной жизнедеятельности общества»⁶¹. Исходя из этого, думается что коммуникация помимо того что накладывает отпечаток на общественную жизнь в целом, накладывает еще больше отпечаток на ее восприятие в субъективном сознании, исходя из чего достаточно сложно ответить на вопрос какая из граней амбивалентной связи «коммуникации-общество» оказалось более влиятельной. Однозначно можно констатировать лишь тот факт, что на данном этапе общественного развития особенности передачи

61 Фролова, С.М. Коммуникации как зеркало повседневного бытия // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2013. №2 (20). С.155–159. С. 155

информации претерпели колоссальные изменения, которые не могут не отразиться на общественной жизни.

Именно благодаря этим изменениям концепция информационного общества сегодня достаточно прочно вошла в современную социальную философию и сегодня значительное число исследований выполняется именно в рамках этой парадигмы. При этом единого определения «информационного общества» равно как и «информации» до сих пор не существует. Автором концепции принято считать Д. Белла, хотя складывалась данная концепция под воздействием многих исследователей. Д. Белл пытался осмыслить информационное общество как один из вариантов следующей ступени после индустриального, Если обратиться к его теории, нельзя не отметить, что телекоммуникации и техника занимают у него хотя и значительное место в постиндустриальном обществе, но не являются его центром. Белл наряду с технологичностью и развитием телекоммуникационных сетей атрибутирует информационному обществу еще и экономику, выстроенную на базе сферы услуг⁶². Так, информационные технологии в трактовке Белла являются скорее средством достижения новой экономической модели, нежели тем фактором, который существенно меняет характер социальных отношений.

По мере того, как информационное общество из теоретического конструкта становится реальностью, появляются более ориентированные на технологии как самостоятельный феномен теории. Так, «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» предлагает нам понимать информационное общество как общество, в котором информация и знания становятся стратегическим ресурсом общества, сопоставимым по значению с ресурсами природными, людскими и финансовыми⁶³. В настоящем исследовании мы будем в целом опираться на такое понимание информационного общества, с той возможной поправкой, что информация как стратегический ресурс общества не просто сопоставима с природными,

62 Белл, Д. Социальные рамки информационного общества. Сокращ. перев. Ю.В. Никуличева// Новая технократическая волна на Западе. Под ред. П.С. Гуревича. М., 1988, 330 с.

63 Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. N Пр-212 // Федеральный выпуск №4591. – 16.02.2008 (дата). – С. 5.

людскими и финансовыми ресурсами, а возможно и превосходит их по значимости.

Информатизация общества достаточно тесно связано с другим феноменом феноменом виртуализации. В контексте общества постмодерна виртуализация играет особую роль в социальной жизни человека. Вообще, виртуализация как социальный феномен явление многогранное. Существуют определения виртуализации как замещения реальности образами⁶⁴, как предельной степени визуализации символических структур⁶⁵, как утверждения особых форм коммуникации⁶⁶. Каждое из НИХ определяет одну из граней виртуализации. Понимание виртуализации как замещения реальности образами и символами характеризует этот процессе еще на стадии его зарождения. Своеобразное замещение реальности происходит уже в мифе, сказании, легенде. Более того, социальная реальность виртуальна по своей природе, ведь социальное пространство – это пространство символическое, в нем каждая вещь приобретает значение в соответствии с тем культурным контекстом, в который она помещена, и это значение для нас играет гораздо более важную роль, нежели сама вещь как таковая.

Виртуальная среда является в определенной степени агрессивной, хотя бы потому, что она обладает свойством поглощать обыденную реальность, предоставляя человеку более яркие образы и насыщенные эмоции. Однако нельзя забывать, что она не самодостаточна и нуждается в реальном мире как в субстрате, на базе которого возникает (причем речь идет не только о его материальной составляющей). Экспансия виртуальности не может быть неограниченной, и фантастические сценарии полного уничтожения реальности останутся лишь в прогнозах футурологов. Тем не менее, процесс виртуализации порождает неопределенность, которая всегда связана с ситуацией риска.

64 Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального.

65 Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос. 2012

66 Моисеева А. П., Мазурина О. А., терепелкин О. А. Виртуализация как социальная трансформация и коммуникация // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 316. X 6. С. 141-146

Помимо информационного общества другим важным теоретическим конструктом в контексте настоящего исследования является концепция сетевого общества. Наиболее рельефно эта идея проявилась в теории Кастельса, где была представлена в качестве составной части информационного общества. Для него сетевое общество – это структура, состоящая из определенных узлов, между которыми происходит обмен информацией. Доминирующую роль при этом преобладает уже не столько сама информация, сколько направления ее передачи и способы ее использования⁶⁷. Кастельс таким образом характеризовал в большей степени структуру информационного общества, нежели его сущность. Однако, можно сделать предположение о том, что концепция сетевого общества может существовать и самостоятельно вне парадигмы постиндустриального общества, так как обмен информацией происходил между субъектами и до появления технических средств передачи информации.

Появление новых технических средств сегодня характеризуется понятием «Сетевая революция». Эта революция уже давно вышла за пределы интереса только специалистов в сфере высоких технологий, и сегодня все чаще к анализу сетевого общества обращаются гуманитарные науки и социальная философия, конечно же, не является исключением. Особенностью сетевого общества с точки зрения социальной философии является, прежде всего, то, что сетевое общество – это один из возможных способов иерархизации и структурирования общественных отношений, то есть в определенном смысле это разновидность общественного порядка. Общественный порядок, в свою очередь разворачивается в нескольких измерениях. Одним из таких измерений и является правовой порядок как та часть общественного порядка, которая находится в поле регулирования законом.

В то же время интеграция информационных и сетевых технологий ведет неоднозначным последствиям. С одной стороны, работа с

67 Кастельс, М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.

компьютером и в глобальной сети Интернет способствует расширению контактов, увеличению числа знакомых, огромный потенциал для социокультурных обменов и заимствований, а также стирают границы между государствами и сносят языковые барьеры. Но в результате у многих людей стала наблюдаться психическая зависимость от Интернета, и, несмотря на доступ к огромному количеству информации, сужению круга интересов, уход от реального мира в сторону виртуальных пространств и игр. Это влечет за собой социальную изоляцию, отторжение социума, уменьшение и ослабление эмоциональных реакций и другим негативным и антисоциальным эффектам⁶⁸.

Таким образом, можно заключить, что концепция информационного общества и концепция сетевого общества наиболее полно и чётко могут характеризовать современное состояние социального бытия и системы порядка в нём. При этом представляется, что больший акцент следует сделать на концепции информационного общества, анализируя ее с точки зрения коммуникативных возможностей по той причине, что коммуникация накладывает крайне значимый отпечаток на общественную жизнь в целом и систему поддержки порядка в частности. Сложно однозначно ответить на вопрос какая из граней амбивалентной связи «коммуникации-общество» оказалось более влиятельной, но однозначно можно констатировать лишь тот факт, что на данном этапе общественного развития особенности передачи информации претерпели колоссальные изменения, которые не могут не отразиться на общественной жизни.

В тоже время одной теории информационного общества недостаточно для характеристики социального порядка по той причине что порядок предполагает наличие определенных взаимосвязей между субъектами, для анализа которых необходимые элементы теории сетевого общества. Таким образом, хотя концепции информационного и сетевого общества формировались исходя из принципиально разных оснований, эти две теории

68 Бабаева, Ю.Д., Войскунский, А.Е. Психологические последствия информатизации / Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. // Психологический журнал, № 1, 1998, С. 88-100

можно успешно интегрировать и использовать для изучения современного Интернет-пространства и становление социального порядка в нём.

2.2. Правовое регулирование в современном информационном обществе: опыт международного и российского законодательства

Появление новых средств массовой информации и средств массовой коммуникации изменило не только мировоззрение каждого человека, но и сам окружающий мир в целом. Как уже было ранее показано, современное общество имеет смысл, прежде всего, оценивать как информационное, по той причине, что с одной стороны и количество информации генерируемой и передаваемое современным обществом растет с каждой секундой, а с другой стороны повышается сама важность информации информация уже рассматривается не как обычный набор символов, звуков, картин или килобайтов, а как важнейший ресурс, от которого зависит развитие человеческого общества.

Особенно последнее замечание справедливо относительно глобальной сети Интернет. В настоящее время он стал информационным оружием куда более сильным, чем телевидение до него. Интернет доступен всем, каждый может публиковать имеющуюся у него информацию, вследствие чего у людей появилась возможность не просто противостоять влиянию пропаганды, но создавать обширные площадки, поощряющие плюрализм мнений.

Всё это в свою очередь приводит к тому что в сети формируются особое пространство, игнорирующие существующие политические и правовые нормы находящиеся так сказать «вне правового поля» и формирующие собственный политический дискурс отличной от политического дискурса существующей власти. Если присовокупить к этому факту тот факт, что контролировать информационное пространство представителям государственных структур в разы сложнее, чем пространство физическое, вполне закономерно, что именно Интернет-пространство становится тем пространством, где с одной стороны может процветать незаконная деятельность, а с другой стороны где консолидируются радикальные политические силы и готовятся политические перевороты. Все это требует выработки четких принципов регулирования порядка в Интернет

– пространстве. Рассмотрим некоторые наработки и проблемы в этой области.

Первые десятилетия существования Интернет – сети, когда она еще не воспринималась как что-либо серьезное, существенной потребности охватывать ее действием законодательства не было. Сегодня же, когда Интернет становится полноправной сферой человеческой жизни, вопрос о правовом регулировании данного пространства все чаще ставится правительствами большинства стран. Следует отметить, что на данный момент ни в одной стране нет четкого законодательства, регламентирующего возникающие правовые отношения пользователей в сети Интернет.

В ходе попыток определения понятия правопорядка, исследователями выделяются различные его принципы. Среди прочих принципов, таких как справедливость, иерархичность или структурность, особое место занимает принцип подконтрольности. Само понятие контроля редко определяется специально, так как до определенной степени кажется очевидным. Тем не менее, некоторые специальные виды контроля иногда находят свое определение. В частности, государственно-правовой контроль, о котором в данном контексте идет речь обычно определяется как наблюдение за контролируемой системой со стороны государства или уполномоченными государством органами с целью проверки соблюдения закона и/или обеспечения выполнения решения государственных органов⁶⁹.

Несмотря на то, что на данном этапе развития киберпространства (которая, кстати не исчерпывается только Интернет-пространством, но и включает себя локальные местные производственные сети, игровое пространство, мобильную телефонию и так далее) становится очевидным, что для успешного функционирования оффлайн нового социума необходим контроль за информационным пространством на уровне нормативно-правового регулирования со стороны институциональных формирований, причём как отдельных государств так и мирового сообщества в целом, при практических попытках реализации подобного нормативно-правового

69 Мельник, М.В., Пантелеев, А.С., Звездин, А.Л.. Ревизия и контроль: учебник. М.: КНОРУС, 2006. 640 с.

регулирования возникает целый ряд проблем. Рассмотрим некоторые из них, обратившись к международному и отечественному юридическому опыту.

Одним из главных проблем в регулировании Глобальной сети является отсутствие регулирования отношений на международном уровне. Существующие нормативные акты регулируют лишь частные аспекты функционирования сети, а главный всемирный документ Интернета RFC (Request for Comments), созданный ещё в 1969 году, включает лишь технические спецификации и стандарты, которые широко используются и на сегодняшний день во Всемирной паутине⁷⁰.

В связи с транснациональной основой и глобальным характером Интернета, ослабевает сила национальных законодательств, которые действуют в определённых географических границах, а также, возникают значительные проблемы в определении права и правоприменительных органов для рассмотрения споров в сети. Таким образом, в Интернет-среде уменьшается значение главного неотчуждаемого качества независимого государства – государственного суверенитета.

Одной из главных проблем правового регулирования Интернета является вопрос о применении государственной юрисдикции. Но из-за транснационального характера данных отношений, их регулирование реальными законами осложняется, а иногда практически невозможно. Поэтому для решения проблемы целесообразно создавать новые законы и нормы на межгосударственном уровне, которые будут отвечать всем характерным особенностям сети Интернет. Так, Даррел К. Менте, ещё с 1998 года в своей работе «Юрисдикция в киберпространстве: Теория международного пространства»⁷¹ писал о сети Интернет как о едином информационном пространстве всего мира и проводил параллель с правовыми режимами других интернациональных пространств, таких как: Антарктика, космос и открытое море.

70 Документ из серии RFC (Request for Comments). [Электронный ресурс] URL: <https://rfc2.ru/> (Дата обращения 8.01.2018)

71 Menthe, D.C. Jurisdiction in Cyberspace: A Theory of International Spaces // Repository. [электронный ресурс] URL: <http://repository.law.umich.edu/mttlr/vol4/iss1/3> (Дата обращения 8.01.2018)

Однако, по данной проблеме существуют и противоположные мнения. Например, Интернет-провайдеры таких стран как Италия, Германия, Япония и др. представляют управление серверами страны по территориальному признаку, то есть регулирование и разрешение споров попадает под юрисдикцию той страны, на территории которой эти серверы размещены. Такой принцип Интернет-провайдеры берут за основу решения проблемы о применении государственной юрисдикции в регулировании виртуальных отношений. Вместе с этим, в судах Франции и Австралии было принято неоднозначное решение в отношении сайтов, серверы которых расположены на территории США. Суды провозгласили, что данные сайты, вне зависимости от нахождения их сервера, попадают под юрисдикцию данных стран и должны подчиняться их законам⁷². Главным аргументом такого решения стал факт размещения и доступа к информационным ресурсам сайтов для граждан этих стран. Подобные и любые другие аналогичные решения по всему миру ставят в затруднительное положение владельцев Интернет-ресурсов, которым приходится соблюдать не только законы страны, где размещены сервера сайтов, но и всех других стран, где имеется доступ к сайту.

Современная практика использования сети Интернет доказывает теорию о нахождении Всемирной паутины вне юрисдикции какого-либо государства, ведь, любой человек любой страны, подключившись к Интернету, может «путешествовать по всему земному шару», заходя на сайты других государств, покупать товары и услуги, получать информацию и скачивать полезный для себя контент.

В свою очередь, отечественный юрист Александр Глушенков называет данную теорию «правовым заблуждением», аргументируя свою точку зрения: «...на самом деле, все люди живут в нормальном, реальном мире, а не в виртуальном. Каждый живет в своей собственной стране, работает, имеет определенные документы, которые подтверждают его гражданство. Он

72 Наумов, В.Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики. М.: Книжный дом «Университет», 2012. 432 с.

выполняет определенные обязанности, имеет некоторые права, ими пользуется. Использование Интернета же не создает нового государства, новой цивилизации. Интернет в данном случае просто-напросто средство общения»⁷³. Это склоняет нас к мысли о подчинении закону той страны, на сервере которой расположен Интернет-ресурс.

Одним из решений проблемы определения юрисдикции может быть чёткое определение компаний на своих сайтах места регистрации и юридического адреса. Несомненно, такое решение правильно, но именно для компаний, которые ведут коммерческую деятельность в сети Интернет. Такие компании, в большинстве стремятся к «чистому» бизнесу, поскольку преследуют финансовую выгоду. К другим Интернет-ресурсам, которые носят более информативный и развлекательный характер, такое решение неприменимо.

Если рассматривать поставленную проблему с точки зрения права, то для начала необходимо разобрать три основополагающих принципа определения юрисдикции:

1. Территориальный принцип. Принцип обозначает определение юрисдикции государства в отношении людей (а также имущества), находящихся на территории этого государства.

2. Гражданский принцип. Принцип обозначает определение юрисдикции государства в отношении граждан государства вне зависимости от их места нахождения.

3. Следственный принцип. Принцип обозначает определение юрисдикции государства в отношении экономических и правовых результатов деятельности, осуществляемой на территории этого государства, вне зависимости от области деятельности⁷⁴.

Таким образом, лицо, которое совершило преступление в сети Интернет, будет отвечать в суде согласно одному из этих принципов

73 Глушенков, А. Стенограмма выступления на конференции «Актуальные проблемы права телекоммуникаций» // Правовая помощь. [Электронный ресурс] URL: http://www.legalhelp.ru/rus/articles/ag_2.shtml (Дата обращения 10.01.2018)

74 См.: Зенин, И.А. Основы права. Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права. М.: Юриш, 2013. 184 с.

определения юрисдикции. Принцип гражданства, по мнению некоторых специалистов⁷⁵, является в большей степени правильным, это означает, что место совершения преступления, а также и место пребывания лица, не учитываются, что в свою очередь, создаёт определённые конфликты, так как одно и то же деяние в разных странах может трактоваться по-разному.

Если следовать территориальному принципу возникает схожая проблема. Как говорилось выше, всё сводится к одной особенности сети Интернет – его транснациональный характер. Страна, на территории которой совершено преступное действие, страна, гражданином которой является лицо, совершившее преступление, и страна, гражданином которой является пострадавшее лицо, могут быть различными. И в этом случае, расхождения между национальными законодательствами неизбежны. Рассмотрим некоторые способы определения Интернет-юрисдикции, которые основаны на территориальном и гражданском принципах:

1. Определение Интернет-юрисдикции по фактическому расположению сервера (системы), то есть по месту фактического нахождения компьютера, в памяти которого хранится информация. Недостаток этого способа в том, что, программные или любые другие структурные элементы системы могут располагаться в разных странах, к тому же, лицо, которое вводит данные может выбрать более подходящий ему вариант, изучив законодательства стран, где располагаются серверы.

2. Определение Интернет-юрисдикции по принадлежности страны, где зарегистрировано доменное имя веб-сайта. Недостатком этой концепции, является возможность регистрации в любой стране как подставной.

3. Определение Интернет-юрисдикции по стране, в которой находится владелец контента, то есть информация в составе информационной системы.

4. Определение Интернет-юрисдикции по месту совершения действий владельца контента.

75 См. напр.: Калятин, В.О. Проблемы установления юрисдикции в Интернете. «Законодательство», N 5, 2014

5. Определение Интернет-юрисдикции по месту нарушения прав пользователя, то есть по месту нахождения пострадавшего лица.

Применение всех вышеперечисленных способов, осложняется за счёт территориального фактора каждого принципа. Решение проблемы возможно при осуществлении действий по модернизации международного частного права или разработке отдельного раздела права для регулирования порядка в сети Интернет. Вообще если говорить о регулировании Интернета на уровне международного законодательства, следует отметить, что право на свободное пользование Интернетом с недавних пор рассматривается ООН как одно из неотъемлемых прав личности⁷⁶, а значит, любая попытка воспрепятствовать свободному доступу в Интернет может быть расценена как покушение на права человека. К сожалению, на этом фактическое международное регулирование Интернет – пространства заканчивается. Кроме того, международное сообщество настаивает на том, что ни одна из стран не должна иметь приоритета в управлении Интернет – пространством. К сожалению, на настоящий момент, это пожелание международного сообщества нереализуемо, так как две важнейшие компании в области контроля Интернета – ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers), которая создает новые домены верхнего (национального) уровня и IANA (Internet Assigned Numbers Authority), которая контролирует распределение IP-адресов, на настоящий момент принадлежат США⁷⁷. Хотя обе компании и не являются подведомственными правительству США, так или иначе находятся в правовом поле американского законодательства.

Таким образом, система международного права в области Интернет – регулирования еще не достаточно развита для того, чтобы полноценно осуществлять правовое регулирование Интернет – пространства. Отчасти по этой причине, а отчасти потому, что далеко не все страны устраивают

76 ООН признала доступ в Интернет базовым правом человека // Лента.ру, 07.06.2011 [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/news/2011/06/07/basicright/> (Дата обращения: 25.12.2017).

77 Международное право и Интернет: движение навстречу или противостояние? // Центральный научно-исследовательский институт связи, 27.03.2014 [Электронный ресурс]. – URL: <https://zniis.ru/actual/news-industry/internet/548> (Дата обращения: 25.12.2017).

международные принципы вседоступности Интернета, значительное число государств в мире применяет те или иные средства по контролю и ограничению Интернет-трафика.

Этот процесс уже получил название кибербалканизации (по аналогии с политической балканизацией – распаду большого государства на более мелкие самостоятельные). Кибербалканизация как умозрительный конструкт предполагает под собой разделение Интернета как глобальной сети на самостоятельные локальные сети в пределах национальных государств. С точки зрения упрощения правового регулирования сетевого пространства, процессы кибербалканизации значительно упрощают ситуацию, сводя ее банально к регулированию каждой локальной сети законодательством конкретного государства. Однако, с другой стороны, кибербалканизация уничтожает Интернет как таковой, что вызывает закономерную критику с позиции глобалистов, трансгуманистов и апологетов Интернета. И хотя говорить о том, что кибербалканизация произошла, еще не представляется возможным, в последние годы все более серьезные меры по контролю Интернета принимаются законодательством конкретных стран. Рассмотрим такие примеры.

Таковы теоретические основания международных принципов правового контроля Интернета. Обратимся теперь к некоторым практическим примерам зарубежных стран. Одной из наиболее, казалось бы, демократичных стран в области контроля за Интернет – пространством является США. Длительное время, руководствуясь первой поправкой Конституции, которая гарантирует неприкосновенность пяти основных свобод человека, в том числе – свободу слова и печати, правительство США не вмешивалась в Интернет – пространство и, по сути, представляло провайдерам в этом отношении полную свободу. Единственным исключением из этого был запрет на распространение через Интернет детской порнографии, что было продиктовано приоритетом физического и

психологического благополучия детей⁷⁸.

Однако, в 2010 году в законодательстве США в этом отношении серьезные перемены. Прежде всего, это принятие «Исполнительного законопроекта о координации в киберпространстве», благодаря которому правительство получило право в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, ставящих под угрозу безопасность, обрабатывать поисковые запросы, запрашивать данные пользователей, регулировать трафик вплоть до полного отключения. Также важным фактором в области контроля за Интернетом стал «Закон об авторском праве в цифровую эпоху»⁷⁹, который запрещает размещение чужой интеллектуальной собственности без согласия владельца.

Аналогичное законодательство, направленное на ограничение пиратского распространения контента принята и во Франции. Однако, в отличии от США, правительство Франции гораздо жестче контролирует и содержание сайтов. МВД Франции не требуется чрезвычайная ситуация для мониторинга Интернет – пространства, а подразделения, направленные на борьбу с киберпреступностью могут блокировать сайты без санкции суда. Когда дело касается расследования тяжких преступлений, таких как торговля наркотиками, оружием, финансовые махинации, законодательство Франции позволяет сотрудникам силовых структур даже внедряться в персональные компьютеры пользователей при помощи троянских программ⁸⁰. При этом интересно отметить, что если в США обязанности по удалению нежелательных материалов и вся ответственность за размещение противозаконного контента лежит на пользователе, то во Франции существенная часть ответственности возлагается на провайдера, который также обязан блокировать нежелательные сайты в соответствии со списками правительства. В случае нарушения цифрового законодательства во Франции

78 Коуэн, Г. Свобода слова и печати: исключения из Первой поправки // Институт проблем информационного права. Серия «Журналистика и право». – 2005. – Вып. 53. – С. 144-193.

79 Паламарчук, А.В. Регулирование правоотношений в сети Интернет в зарубежных странах // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 6(32). – С. 24-32.

80 Люди-пауки. Как контролируют Интернет-паутину в разных странах // Российская газета. Федеральный выпуск №5591 (215). – 27.09.2011 (дата). – С. 11.

санкции грозят как пользователю, так и провайдеру, что, конечно, подталкивает последних к более тщательному анализу контента.

Таким образом, можно резюмировать, что демократическими западными странами в общем случае вмешательство в Интернет возможно либо тогда, когда Интернет способствует совершению преступлений, либо когда речь идет о защите интеллектуальной собственности или личных данных пользователей, хищение которых, по сути, является также противозаконным действием. Однако, принципиально иначе обстоит дело в ряде неевропейских и недемократических стран, где можно говорить о полноценной цензуре в Интернете.

Так, характерным примером подобной цензуры является Китай. Помимо блокировки сайтов с незаконным содержанием, в Министерстве обороны Китая существует специальное подразделение, занимающееся мониторингом социальных сетей и Интернета в целом на предмет всего, что правительство считает неприемлемым. Основным техническим проявлением такой цензуры становится система блокировки нежелательных зарубежных сайтов и особая система фильтрации поиска (т.н. Великий китайский файрвол). Системами фильтрации оснащены все китайские поисковики, в результате чего в ответ на запрос пользователь видит только цензурированные результаты.

Подобная система фильтрации поиска имеется также в ряде арабских стран, и обычно согласуется с нормами Шариата. Так в Саудовской Аравии и ОАЭ существует система фильтрации данных, при которой изымается нежелательная информация по ключевым словам. Как правило, это информация, касающаяся алкоголя, наркотиков, азартных игр, порнографические материалы и прочие материалы, считающиеся неприемлемыми с позиции Ислама. Однако, при этом ограничиваются например многие зарубежные, прежде всего – европейские ресурсы, такие как Facebook, YouTube, сайты правозащитных организаций и т.д. Кроме того, в Саудовской Аравии, например, практикуется географическая блокировка и фильтрация. Так, например, Теком – район Дубаи, который является

интеллектуальным центром страны имеет расширенный доступ к Интернету в отличие от всей остальной страны.

Наконец, пожалуй образцом тоталитаризма в области контроля над Интернетом является ситуация в КНДР. В определенном смысле, можно сказать, что доступа в Интернет в КНДР нет вообще, по крайней мере, для простых пользователей. Фактически, подключение к Интернету там имеет крайне ограниченное число правительственных организаций, занимающихся контактами с зарубежными странами и несколько ведущих университетов. Даже в этих организациях доступ к Интернету осуществляется только по спецпропускам, а компьютеры, подключенные к Интернету, стоят в специальных охраняемых комнатах. При этом, для обычного населения в КНДР существует внутренняя сеть Кванмён, наполнение которой жестко контролируется правительством. В основном, содержание сети Кванмён представляет собой сгружаемые Корейским компьютерным центром из Интернета страницы научного и технического содержания, прошедшие предварительную цензуру. По этой причине Кванмён в основном используется как образовательный ресурс.

Таким образом, подводя итоги опыта зарубежных стран по контролю Интернет – пространства, мы видим два основных уровня выстраивания порядка в сети Интернет. Первый – это приведение контента в соответствие с оффлайн законодательством и борьба с Интернет-ресурсами, способствующими совершению преступлений, а также борьба с киберпреступностью как таковой – в частности хищением персональных данных пользователей или киберпиратством. Второй уровень контроля – это установление системы цензуры во избежание широкого распространения «нежелательного» контента. Перечень нежелательного контента регламентируется каждым государством самостоятельно и может варьироваться, но так или иначе основанием для вынесения решения о «нежелательности» той или иной информации являются соображение безопасности, противодействия экстремизму и терроризму.

На первый взгляд может показаться, что оба типа контроля Интернет

контента так или иначе направлены на поддержания правопорядка в сети и приведение в соответствие онлайн- и оффлайн-законодательства. Меры, предпринимаемые тем же Китаем, насколько бы они не казались недемократичными европейскому человеку, тем не менее, продолжают находиться в рамках действующего китайского законодательства. Однако, принципиальная разница заключается в юридическом подходе к системе правового регулирования в сети. Первый сценарий, назовем его условно европейским (хотя он характерен не только для европейских стран) – направлен на пресечение конкретных преступных действий, нарушающих существующее законодательство. Второй же сценарий, назовем его условно азиатским – направлен, в том числе и на предотвращение возможных преступных действий, которые еще не случились, и нет никакой гарантии, что случатся когда-либо. Таким образом, такой подход нарушает один из базовых юридических принципов – презумпцию невиновности. Пользователю, еще не совершившему преступление, но совершающего действия, которые, по мнению правительства, могут в дальнейшем привести или подстрекать других к тем или иным преступлениям, уже вменяется вина, до того, как противоправное действие будет совершено.

Теперь же имеет смысл обратиться к анализу ситуации с контролем Интернет – пространства в России. Вопросы, связанные с контролем информации, блокировки тех или иных ресурсов приобрели особую актуальность в России в последние годы, в особенности вследствие принятия пакета Яровой Озерова и запрета на различного рода анонимайзеры и обходы блокировок. Одним из первых мер по правовому регулированию Интернета, а вернее – регулированию правопорядка в том числе посредством Интернета стал пункт в Федеральном законе «О связи»⁸¹, обязывающий операторов, в том числе – Интернет провайдеров предоставлять правоохранительным органам, ведущим оперативно-розыскную деятельность информацию о пользователях. Тем не менее, несмотря на то, что данный закон был принят

81 Федеральный закон «О связи» от 07 июля 2003 г. № 126-ФЗ.

еще в 2003 году, далеко не все сегменты Интернет – сети были открыты для правоохранительных органов. Следующим значимым законом в этом отношении стал Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»⁸², который среди прочего включал в себя Федеральный список экстремистских материалов, в соответствии с которым российские провайдеры начали блокировку сайтов, на которых были размещены соответствующие материалы.

Вслед за экстремистскими материалами под запрет попала информация, содержащая детскую порнографию, пропагандирующая наркотики и суицид⁸³, а позже началась борьба с нелегальным цифровым пиратством. Также с 2014 года Роскомнадзор получил возможность блокировать сайты, содержащие призывы к экстремизму без решения суда⁸⁴, а с 2015 года – ту же возможность в отношении сайтов с пиратскими материалами.

Все это – борьба с распространением детской порнографии, пропагандой наркотиков, призывов к незаконной деятельности, борьба с пиратством – вполне укладывается в «европейский» сценарий контроля Интернет – пространства. Тем не менее, установление порядка в Интернете только этими мерами не ограничивается. Основной упор Роскомнадзором в настоящее время делается на возможность как такового контроля активности пользователей в сети, для возможности выяснения трафика при необходимости в последующее время. Эти меры как таковые трудно назвать составляющей правопорядка в Интернет – пространстве, но состояние подконтрольности пользователей правоохранительным органом оно предоставляет.

Тем не менее, нельзя не отметить тот факт, что несмотря на возможности законодательного регулирования и блокировки ресурсов посредством деятельности Роскомнадзора, значительная часть установления порядка в Интернет-сети зависит от пользователей. Система блокировок не

82 Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ.

83 Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. N Пр-212 // Федеральный выпуск №4591. – 16.02.2008 (дата). – С. 5.

84 Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 28 декабря 2013 г. № 398-ФЗ.

совершенно не только с технической точки зрения, но с точки зрения социальной реальности.

Для того чтобы продемонстрировать этот фактор обратимся к совсем свежему примеру: в апреле 2018 года по России прокатилась волна блокировок популярного мессенджера Telegram, вызванная тем фактом, что руководство компании отказалась предоставлять расшифровки переписок пользователей. Приложение начали блокировать в понедельник 16 апреля, и уже на первых этапах было заметно насколько это сложно сделать даже технически. Даже через сутки у некоторых пользователей приложение обновлялось без прокси и VPN. Воспользовавшись этим Telegram начал рассылку уведомлений на приложение DC_Update (Data Center Update), которое меняет IP-адрес сервера и подсети. Это приложение является абсолютно легальным и использовалось в Telegram и раньше главным образом для ускорения передачи сообщений, а в сложившейся ситуации оно помогало связываться в обход блокировки, выдавая пользователю чужой IP-адрес. Сразу после начала блокировки глава Роскомнадзора Александр Жаров посоветовал всем законопослушным гражданам удалить данное приложение собственных гаджетов, а также направил требования об удалении соответствующего приложения из AppStore и других Интернет-магазинов⁸⁵. В тот же день основателей мессенджера Павел Дуров призвал пользователей не удалять приложение и заявил, что «сервис запустит собственные методы обхода блокировок»⁸⁶.

Учитывая тот факт, что мессенджер использует вычислительные мощности и облачное хранилище данных Amazon и Google, у которых есть свои IP-адреса, которые собираются в подсети обладающие в итоге общим адресом, блокировка некоторых адресов Telegram приводила заодно и блокировке некоторых сервисов Amazon и Google не имевших отношение к Telegram. 17 апреля за целый день напряженной работы ведомство

85 Роскомнадзор требует удалить Telegram из всех магазинов приложений // Риа-новости, 16.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/society/20180416/1518730557.html> (Дата обращения 17.05.2018)

86 Роскомнадзор объявил о начале блокировки Telegram в России. [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/36408-roskomnadzor-obyavil-o-nachale-blokirovki-telegram-v-rossii> (Дата обращения 17.05.2018)

заблокировало 18 подсетей Google и Amazon, что составляло 18 миллионов IP-адресов. К вечеру ведомство удалило из реестров 2 миллиона адресов, что снизило число заблокированных подсетей до 16. Уже к середине дня 18 апреля Роскомнадзор не вносил в реестр блокировок большое число адресов Amazon. По словам руководителя центра реагирования на кибер-инциденты Group-IB Александра Калинина, в мире есть 4 миллиарда свободных IP-адресов. Если Роскомнадзор продолжит блокировать по 18 миллионов адресов каждый день, то на блокировку всех у него уйдет около 1,5 лет⁸⁷. При этом надо понимать, что поскольку количество ip-адресов растет в геометрической прогрессии, технически заблокировать весь Интернет невозможно

Надо при этом иметь в виду еще и тот факт, что не весь Интернет пользуется техническими мощностями Google и Amazon. Теоретически можно закрывать только те, которыми сейчас пользуется Telegram, но это выглядит технически нереализуемым, так как подмена IP на стороне мессенджера происходит автоматически, а направлять требования о блокировке нужно на бумаге, вручную. Это значит, что месседжер всегда будет на несколько шагов впереди бюрократии. В будущем, конечно, государство может придти к автоматической фильтрации трафика: провайдеры получают параметры блокировок по API в автоматическом режиме, Telegram не сможет использовать сервера Amazon для хранения медиа и файлов. Много в этом отношении зависит конечно и от позиции администрации сервисов. В этом отношении можно вспомнить прошлогоднюю историю с Интернет-рацией Zello, которая также использовал технические мощности Amazon. Роскомнадзор уже пытался заблокировать порядка 15 млн. IP-адресов, однако исход ситуации решил не Роскомнадзор, а администрация Amazon, которая на определенном этапе отказалась предоставлять разработчикам Zello свои облачные хранилища и

87 Битва за Telegram: как мессенджеру Дурова удастся выходить из-под блокировки Роскомнадзора // Афиша-Daily, 18.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://daily.afisha.ru/brain/8672-bitva-za-telegram-kak-messenzheru-durova-udaetsya-vyhodit-iz-pod-blokirovki-roskomnadzora/> (Дата обращения 17.05.2018)

вычислительные мощности.

При этом если вернуться к вопросу о Telegram, также следует принять во внимание, что с технической точки зрения он может использовать децентрализованную инфраструктуру, и как заявляют разработчики, эта идея уже включена в разрабатываемый проект Telegram Open Network.

Таким образом, способ блокировки IP-адресов крайне неэффективен, он не работает в отношении Telegram, зато мешает работать другим сервисам использующим платформы Google и Amazon. Это даже не вопрос скорости и эффективности работы Роскомнадзора: можно закрывать за раз десятки тысяч или миллионы адресов – это не так важно. Важнее то, что в качестве инструмента выбран способ, который не работает. IP можно переносить бесконечно, пока рунет не станет изолированным. При этом наиболее технически продвинутая часть пользователей всё равно найдёт способ обхода блокировок. Даже опыт Китая говорит, что China Great Wall не закрыл доступ к западному Интернету для продвинутых пользователей, а непродвинутым нет смысла что-то блокировать, по той причине, что обычно они не выходят за пределы собственной электронной почты и самых популярных соцсетей.

Ещё в самом начале процесса блокировки перед пользователями Telegram была поставлена дихотомия: подчиниться существующему государственному порядку и добровольно отказаться от пользования Telegram или использовать те возможности, которые были предложены разработчиками. И как показывает статистика уровень просмотров мессенджера Telegram за месяц блокировки упал всего на 15%⁸⁸. Это как нельзя более ярко демонстрирует тот факт, что пользователи сами решают какие элементы нормативного порядка в Интернет-среде они будут исполнять, а какие нет.

То время как разработчики предложили только способы обхода, вопрос пользоваться им или нет полностью оставался на совести рядовых граждан. И как показала практика большая часть пользователей решила с этими

⁸⁸ На сколько снизились просмотры телеграм-каналов за месяц блокировки // The Village, 16.05.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.the-village.ru/village/business/news/312347-telegram> (Дата обращения 17.05.2018)

способами воспользоваться, невзирая на решение суда и призывы Роскомнадзора. Учитывая технические сложности, а также многомиллионную аудиторию Telegram, Роскомнадзору в итоге пришлось отказаться от блокировки мессенджера по крайней мере на данном этапе.

Таким образом, проведя обзор теории и практике зарубежного и отечественного опыта внедрения государственного контроля за правопорядком в сети Интернет, можно сделать следующие выводы.

Поскольку правовой контроль в сети Интернет является явлением достаточно новым, нельзя не отметить что юридической практики в этой области еще недостаточно. Вопросы правового контроля Интернета в теории, как правило, развиваются по двум основным путям: либо пытаются привести действия в Интернет-среде в соответствии с законодательством, действующим в оффлайн в пространстве, либо пытаются разработать специальные меры правопорядка для Интернета. Если в первом случае всё достаточно очевидно, то что касается специализированного законодательства для Интернета, оно связано, прежде всего, с тем, что некоторые действия не являющиеся сами по себе незаконными (передача и хранения информации, осуществление связи, анонимизация личности, использование криптовалют и так далее) могут помогать преступникам совершать преступления в материальном мире. Это порождает интересный феномен – вне правового порядка оказываются действия, не противоречащие естественному праву и не покрывающие преступные действия, но просто препятствующие контролю за киберпространством. Так, например, использование криптовалют или оверлейных сетей само по себе не наносит ущерба социуму, но являясь тем фактором, который затрудняет контроль в Интернете для правоохранительных органов, оказывается также разрушающим правовой порядок. Одной из насущных проблем, связанных с регулированием Интернет-пространства является определение вопроса юрисдикции того или иного государства: учитывая что Интернет является прежде всего глобальной сетью регулирование правопорядка требуют в нём либо международный нормативно-правовой базы, либо будет закономерно вести к конфликтам

между государствами за тот или иной сегмент киберпространства. Еще одним значимым фактором поддержки порядка в Интернет пространстве является позиция пользователей: как нами было показано в предыдущей главе, хотя источником порядка является государство, порядок не реализуем без соответствующей ценностной поддержки со стороны общества. То же правило действует и в Интернет-пространстве: **если некоторые правовые нормы, которые государство считает необходимым ввести не разделяются пользователями как необходимые и значимые, они не будут исполняться.** Это означает, что государству на этапе размышление над внедрением и тех или иных норм в Интернет-пространстве рано или поздно придётся начать советоваться с пользовательским сообществом, которое, думается, рано или поздно возьмет на себя функции гражданского общества.

2.3. Основные перспективы трансформации институализации в информационном обществе

Как уже говорилось ранее, проблемы связанные с правовым контролем Интернет среды приобретают все большее значение для современного общества. Любые попытки ввода контроля Интернет-пространства исходят из априорной посылки о том, что контроль Интернет-пространству необходим. Однако, существует и альтернативный полюс особой Интернет философии, мыслящей пространство Интернета как пространство безграничной свободы. Такое понимание киберпространства получило специальное название «киберанархизма» и сформировало по сути отдельное поле философских проблем⁸⁹.

С другой стороны, взаимопроникновение онлайн и оффлайн среды друг с друга настолько велико, что сегодня более имеет смысл говорить о воздействии интернета на общественную жизнь, нежели воздействию общественной жизни на Интернет. События последних лет показывают, что информационные технологии могут стать достаточно эффективными методами трансформации социальной реальности. Развитие информационных технологий сегодня заставляет социальных философов, да и представителей всех социальных наук в корне пересмотреть свои взгляды на такие социальные явления как революции или войны.

В настоящее время на смену «оранжевым» и «цветочным» революциям приходит волна протестных движений нового типа: сетевых революций. Этот новый тип революций предстает как реальная попытка обществ разрешить «виртуальное» противоречие между уже возникшими повсеместно общественными отношениями, порожденными новым информационным способом производства начала XXI века и старыми индустриальным и даже аграрным способами производства, сохранившимся во многих странах и базирующимися на производительных силах многовековой давности.

89 Ладлоу П. Криптоанархии, кибергосударства и пиратские утопии. – Екатеринбург: Изд. Ультра. Культура, 2005. 600 с.

В сегодняшнем мире процессы, протекающие в виртуальном социальном пространстве могут приобретать вполне реальные социальные, политические и экономические последствия. А современные технологии, такие как спутниковое телевидение, сотовая связь и Интернет позволяют очень быстро и эффективно объединять людей по классовым и другим интересам, политическим и религиозным взглядам, национальному и гендерному признакам. 2011 год на востоке прошел под эгидой сетевых революций. Событие, явившееся «спусковым крючком» массовых беспорядков благодаря современным сетевым технологиям, стало известно всему миру почти сразу после того, как оно произошло: акт самосожжения 26-летнего тунисского торговца овощами Мохаммеда Буазизи привел не только к уходу президента Бена Али, но также имел широкие последствия для всего остального арабского мира⁹⁰. Вскоре после Туниса волнения перекинулись на Египет, Бахрейн, Ливию и другие страны Северной Африки и Ближнего Востока. По многим аспектам их можно было бы сравнить с «оранжевой» революцией или «революцией роз», если бы не тот факт, что в отличие от тех революций, в событиях 2011 года главной направляющей силой являлась не организованная оппозиция, годами накапливающая протестный потенциал и готовящая почву для переворота, а мгновенно складывающиеся «виртуальные» или «сетевые» сообщества, не имеющие жесткой организационной структуры и единого центра.

Такой способ организации или самоорганизации является уникальным в истории мировых революций так как в них отсутствует четко выраженный лидер за которым следуют массы. По сути, эти революции являются стихийным «движением масс». Активисты рассылали призывы к протестам широко используя социальную сеть «Facebook» и сервис

90 Чернобай, А.И. Роль социальных сетей в мобилизации протестных настроений на Ближнем Востоке и в Северной Африке в январе-марте 2011 года. Идеологические аспекты военной безопасности, 2011, №1, С. 40–47.

микроблогов «Twitter», сотовую связь, также применяя их для четкой координации своих действий.

Широкое использование сетевых технологий придало протестным движениям определенные преимущества в противостоянии государственным структурам. Одним из главных таких преимуществ является децентрализованность организации акций. Благодаря такой модели, нигде не происходит формирования единого «штаба», но его функции осуществляются повсеместно, во всемирной паутине, лишая власть возможности остановить социальное движение путем устранения или ослабления ее лидеров.

Само понятие «лидерство» с трудом применимо к такому типу протеста. Значительную роль в формировании международного общественного мнения в отношении событий сыграл популярный видео-сервис «Youtube», посредством которого протестующие получили возможность эффективно манипулировать общественным мнением по поводу происходящего в стране, публикуя информацию даже о единичных случаях подавления протестов⁹¹. Репортажи мгновенно попадают в сеть и просматриваются тысячами людей во всем мире. Это приводит к формированию благоприятного для революционеров общественного мнения в разных странах, что выражается в заявлениях политиков. Поддержка же последних, в свою очередь, «приободряет» митингующих и вызывает новые приливы протестных настроений.

Важным фактором самоорганизации также стала скорость и широта распространения информации. Они определили изначальный высокий темп протекания и охват социальных процессов. Особо значимым является тот факт, что даже при частичном и, позднее, почти полном отключении средств связи и доступа к глобальным информационным ресурсам первоначального «заряда» протестных настроений оказалось достаточно, чтобы революционные движения самоорганизовались уже не

91 Чернобай, А.И. Роль социальных сетей в мобилизации протестных настроений на Ближнем Востоке и в Северной Африке в январе-марте 2011 года. Идеологические аспекты военной безопасности, 2011, №1, С. 40–47.

в виртуальном, а реальном мире. Более того, происходили «переброски» протеста в соседние регионы, власти которых предпринимали меры предосторожности. Волнения, не принимающие революционный характер, прошли по всему миру, включая Индию, США (с определенной спецификой) и Саудовскую Аравию.

Одной из серьезных особенностей, которая не позволяет полностью характеризовать волну «песчаных» революций как «классических» революции марксистского типа, является, наряду с децентрализацией, отсутствие явно сформированного классового характера происходящих изменений. Сетевые сообщества не обладают достаточно сформированной идеологией или единством интересов. Их участники лишь в некоторой мере могут повлиять на движение тех масс, которые они направляют против существующего порядка вещей. После того, как «спусковой крючок» нажат, движение становится неуправляемым и, часто, бесцельным.

Исходя из опыта недавних революций как в Тунисе так и в Египте, мы можем прийти к выводу, что даже для внешне стабильных режимов политическая смерть «в режиме онлайн» оказалась быстрым и неожиданным способом смены укоренившейся властной элиты. Скорость и география распространения самих событий поражает даже искушенное воображение. Мнения политологов расходятся от «теории заговора» до «мировой революции» и сталкиваются в той же сети Интернет. Современный политический горизонт все больше уходит вниз, от уровня элиты к широким массам, расширяя видение возможных траекторий движения.

Впрочем, далеко не только события «арабской весны» можно охарактеризовать как сетевые революции. Сетевые революции как особый тип становится трендом современного общества, эталоном Революции нового типа, поэтому думается, что основная часть революций будущего также будет осуществляться именно по этому сценарию.

По этой причине неудивительно, что в ходе событий на Украине сетевые информационные технологии также оказали значительное влияние.

Так, уже с весны-лета 2013 года в Интернете наблюдался рост количества материалов в украинском сегменте Интернета, направленных против государственности Украины. Они появлялись на площадке блогов «Живой Журнал», на форумах, в социальных сетях. Это были материалы, которые преследовали цель подтвердить существование украинцев как отдельной нации, статус украинского языка, право украинцев на государственность и их право на некоторые территории вне Украины. Кроме того, возросло количество материалов, разжигающих агрессию к представителям восточных регионов Украины, начали появляться материалы о «Новороссии», пророчества раздела страны на части, из-за того, что, якобы, люди в разных её частях не являются единым народом. Резко активизировались ангажированные комментаторы, тролли и боты.

В риторике Интернет-дискуссий резко вырос уровень риторики, нацеленной на разжигание межрегиональной и межнациональной вражды. Нашествие таких комментаторов началось именно с кампании по убеждению Интернет-пользователей в необходимости для Украины отказаться от интеграции с Таможенным Союзом в пользу евроинтеграции. От лета 2013 до весны 2014 риторика комментаторов прогрессировала от преимущественно умеренно националистической до откровенно антироссийской. Именно в России украинские блоггеры видели источник исторических проблем и угнетения Украины. Отметим, что рост агрессии в Интернет-дискуссиях должен был насторожить общество, ибо в мире уже существуют исследования, подтверждающие, что после увеличения количества агрессивных высказываний в Интернете, с определённым временным лагом, идёт волна насилия

Ещё до событий зимы 2013 года, среди тенденций украинского сегмента Интернета, который проникал и в рунет, будучи направленным на внутреннюю российскую и украинскую аудиторию, видим следующие:

- 1) разогревание антироссийских настроений; подготовка к конфронтации с Россией; пропаганда евроинтеграции как единственной надежды на «спасение» Украины;

2) построение образа врага в лице жителей России, конструирование фигуры «москалей»; целенаправленное подогревание внутриукраинского политического конфликта через перенос акцента на этничность и языковой вопрос, которые не были ключевыми вопросами социального взрыва зимой 2013–2014 гг.

После отказа от подписания ассоциации с ЕС, начались события, названные «Евромайданом», которые носили различный характер на разных его этапах. Значение социальных сетей в этих событиях невозможно переоценить. Соцсети стали мощной средой организации, самоорганизации протестующих и населения, распространения информации и дезинформации. В наиболее популярных соцсетях быстро появились сообщества с названием «Евромайдан» и подобными, быстро были образованы и соответствующие сообщества в больших городах, что позволяло людям собираться, распространять информацию без контроля государства, обсуждать требования, координировать сбор вещей, денег, разыскивать пропавших и раненых, организовывать оборону от «титушек», решать проблемы транспорта, юридической помощи и т.д. Отдельно формировались группы по поддержке задержанных.

При помощи хештегов, например, в Твиттере, информация о событиях транслировалась и вне Украины. Самыми популярными тегам в Твиттере стали «#Євромайдан, #Евромайдан, #Euromaidan», что в некоторой мере свидетельствует о направленности на европейскую аудиторию. Соответствующие хештеги выводились в тренды Твиттера при помощи «твиттер-штормов» – одновременного массового написания сообщений с определённым тегом разными пользователями. Новым явлением среди Интернет-СМИ стали популярные стримы – прямые трансляции в Интернете событий онлайн и популярное Интернет-телевидение.

Противники действий протестующих становились членами групп «ПМОП «Беркут» – оплот спокойствия страны» и «Антимайдан». Группы последнего типа были построены по структуре «майданных»: общие и

территориальные. Большое количество «антимайданных» групп появлялось и в России.

Именно риторика в соцсетях сыграла большую роль в дегуманизации сторон противостояния. Интересным способом определения собственной поддержки той или иной стороны среди пользователей стало обыкновение ставить себе на аватарку соответствующий символ. Флаг Украины, ЕС, чёрный квадрат с ленточкой цветов украинского флага или свечку на чёрном фоне – для тех, кто поддерживал Майдан, после начала украино-росийского конфликта добавились ещё герб Украины и тамга крымских татар на голубом фоне – для тех, кто поддерживал единство Украины; эмблему подразделения «Беркут» или георгиевскую ленточку ставили противники событий на майдане; флаги РФ и НВФ «ЛНР», «ДНР» или «Новороссии» и аватарок на их фоне – для тех, кто поддерживал прежнюю власть или придерживался пророссийской позиции. Так в соцсетях пользователи маркировали свою позицию для окружающих.

Особенное внимание необходимо уделить тому, что ложные сообщения, которые массово тиражировались в соцсетях, вызывали особое доверие, так как якобы исходили от простых людей, «очевидцев». В комментариях из разных аккаунтов встречались дословно одинаковые истории о бесчинствах «Беркута», бойцы которого избивали женщин и детей и разве что не ели младенцев живьем. Такие сообщения вызвали настоящую истерию в массовом сознании жителей Украины.

Украинские политтехнологи прибегли к массовому созданию англоязычных аккаунтов в Фейсбуке и Твиттере. А несколько российских СМИ заявило о массовой атаке майдановских ботов в комментариях на своих Интернет-страницах⁹². Отдельной страницей противостояния являются DDoS-атаки на сайты Интернет-СМИ, сайты госучреждений, которые имели место со стороны всех участников противоборства.

Риторика соцсетей была очень динамичной. Группы, которые на первом этапе собирали людей под лозунгами защиты зданий государственной и

⁹²Украинские Интернет-тролли начали информвойну против России // Известия. [Электронный ресурс]. URL:<https://iz.ru/news/583463> (Дата обращения 17.04.2018)

местной власти, например, быстро стали проводниками майдановской пропаганды и организаторами захватов вышеназванных органов власти. В комментариях таких групп действовала жесткая цензура. Комментарии, которые разоблачали неправдивость новостей пропаганды Майдана, отображали пророссийскую позицию или содержали ссылки на материалы, которые шли вразрез с позицией группы, немедленно удалялись администраторами, а их авторы отправлялись в чёрный список и бан.

Украинский сегмент Интернета живо отреагировал на наплыв антимайданской риторики. Появились группы в соцсетях, которые призывали своих членов массово жаловаться на соответствующие аккаунты и группы, чтобы хотя бы временно их заблокировать. Для противодействия пророссийским или антимайданским комментаторам, добровольцам предлагалось «ходить» по группам с нейтральным или враждебным настроем и распространять проукраинские материалы, материалы, которые опровергают российские новости, убеждать аудиторию групп в нужном ключе. Но неорганизованные команды добровольцев заметно проигрывали фактологии антимайдана. Хотя в Интернете появился ряд успешных украинских проектов по контрпропаганде: страница Дмитрия Тымчука, координатора группы «Информационное сопротивление» во время событий в Крыму, когда госаппарат был парализован, стал одним из основных источников информации для украинской аудитории и ответом российской пропаганде. Интернет-сайт «СтопФейк», созданный группой энтузиастов, их канал на Ютубе и страницы в соцсетях стали мощным инструментом, играющим якобы на неправдивости информации из российских телеканалов и сайтов. Кстати, этот проект стал ещё и успешным примером краудфандинга, так как финансовую поддержку проекту предоставляют сами пользователи.

Такие Интернет-проекты, как «InformNapalm», продолжили тенденцию борьбы с антимайданской пропагандой силами рядовых пользователей. С началом оккупации Крыма появились крымские группы, созданные обычными людьми, которые якобы объективно освещали события на

полуострове. Первые сообщения о российских военных и технике, которые начали захват полуострова, появились именно в социальных сетях от местных жителей. Начали появляться крымские группы, которые объединяли тех, кто выступал против референдума и присоединения Крыма к России.

Примером такой группы является сообщество «Крым – Украина» в сети «ВКонтакте» В Фейсбуке и «ВКонтакте» выделялось сообщество «КрымSOS», которое информировало о ситуации в Крыму в проукраинском ключе. Риторика данной группы была направлена на представление России как захватнических оккупационных войск, а немногочисленные мигранты с территории Крыма на территорию Украины представлялись как беженцы, спасающихся от невыносимого российского режима.

С крымских событий берут начало целый ряд групп помощи армии из различных частей Украины; все они привлекали помощь через социальные сети. Через «Фейсбук» развивались такие масштабные инициативы как: группы «Крылья Феникса», «Підтримай армію України», «АрмияSOS».Стримеры, дежурившие у украинских частей стали мощным источником влияния на общественное мнение в Украине и мире. Война, которая транслировалась онлайн в Интернете стала ярчайшим примером гибридной войны.

Почти у каждого города востока Украины сформировалось несколько типов сообществ: промайданские, пророссийские и нейтральные. Все группы кроме информационной функции и функции общения с единомышленниками использовались для организации акций, граффити акций, построения структур гражданского общества, пропаганды. Во всех группах местные жители обменивались новостями о текущих событиях.

С целью противодействия ботам, не справляясь с валом комментариев, нарушающих правила, многие электронные СМИ стали их отключать на своих сайтах и на страничках в социальных сетях. Отметим, что вал комментариев с признаками разжигания межнациональной розни и вражды между жителями разных регионов Украины начался еще летом 2013 года, но большинство ресурсов не банили за оскорбления на национальной почве или

оскорбления по признаку региона проживания (Запад против Востока). Отсутствие ответственности за их удаление для таких ресурсов стало одним из механизмов развития вражды в обществе.

Даже Интернет-энциклопедия «Википедия» была втянута в информационное противостояние. Разгорались «войны правок», когда проукраинская сторона стала массово исправлять слова «ополченцы», «повстанцы» на «террористы» или «сепаратисты» на в статьях на русском и иностранных языках, а российская сторона – обратно.

Новой реальностью стало использование Интернет-рации Zello. Сначала эта программа использовалась для координации ополченцев на местах. Множество каналов этой Интернет-рации, которые координировали и собирали информацию от людей на местах, характеризовались тем, что они становились рупором распространения информации для ополченцев. В то же время Интернет-пользователи, стоящие на стороне власти майдана, используя каналы Интернет-рации в режиме радиомолчания, просто собирали информацию о перемещении ополченцев, и сливали её ВСУ.

На фоне последних событий в Украине ярко проявилась новая модель коммуникации в электронных СМИ. Люди-очевидцы массово сообщают о событиях, которые происходят, предлагают новости в Интернет-медиа и соответствующих группах в соцсетях (напрямую или через администраторов групп). Такую оперативность и массовость не могла бы обеспечить ни одна традиционная сеть корреспондентов и репортеров, особенно в военных условиях. Конечно, такой метод не является гарантом получения правдивой информации. Во время военных действий во многих пабликах наблюдалось нашествие ангажированных комментаторов, которые интенсивно продвигают дезинформацию.

В ходе информационной войны активно действовали кибергруппировки, совершавшие обоюдные кибератаки: проукраинские «Украинские кибервойска», «Кибер-щит» пророссийская «Киберберкут» . Так, «Украинские кибервойска» организовывали атаки на сайты ополченцев, блокируют счета, на которые собирают средства для них, взламывают

почтовые ящики и выкладывают их переписку, проникая в системы видеонаблюдения, собирают разведанные.

Проблема администрирования информационного пространства Украины ярко проявила себя во время последних событий. Администраторы сетей «Одноклассники», «ВКонтакте» отказывались удалять материалы, которые нарушают законы Украины, т.к. они подчиняются юрисдикции России.

Сеть микро-блогов «Твиттер» применялась для сбора разведанных о блокпостах, перемещении ополченцев и их пособников, войск РФ и военной техники. В период весны-лета 2014 г. украинский твиттер-сегмент применял твиттер-штормы, чтобы распространять свою пропаганду в среде мирового сообщества. Примером стало выведение в топ тегов #RussianInvadedUkraine и #UkraineIsUnderAttack.

Поле боя аудио-визуальной пропаганды стал и YouTube. Видеофейки выдаваемые за доказательства преступлений ополченцев, действовали гораздо лучше, чем обычная пропаганда.

Интернет дал возможность каждому рассказывать о своей идеологии широким слоям населения и в то же время превратился в источник разведанных для обеих сторон конфликта. Отметим, что специфика Интернета способствует дроблению аудиторий, замыканию людей в узких тематических мирах по их интересам, что может приводить к самоустранению от получения общественно-значимой информации или к поляризации точек зрения. Такая специфика порождает новые механизмы влияния на общественное мнение, например, через распространение информации не от официальных источников или СМИ, а через сервисы Веб 2.0, где происходит общение и развлечение большинства пользователей. Попробуем типологизировать технологии влияния на общественное мнение, которые используют механизмы сервисов Веб 2.0 и основываются на силе авторитета мнения «рядовых» пользователей.

1. Заказные комментарии и «посты» в Интернет-ресурсах. Политические силы и коммерческие структуры нанимают комментаторов, которые оставляют на разных ресурсах сообщения, продвигая нужную точку

зрения в соцсетях, на форумах, в комментариях к материалам электронных изданий. Могут оплачиваться посты в блогах, создание и поддержание тем на форумах. Подобным комментаторам рассылают даже методические материалы, которые содержат перечень основных аргументов и контраргументов.

Человеку часто свойственна конформность, он стремится узнать позицию окружающих или подсознательно ориентируется на это. Поэтому актер в электронной социальной сети будет наблюдать за своим окружением: сколько и насколько авторитетных для него людей высказываются в поддержку идеи или действия. Особенно большое влияние имеет этот эффект в ситуации, когда человек не имеет надёжной информации по определённому поводу, или не имеет возможности или желания в чём-то детально разбираться. Именно на этом базируются разнообразные техники манипулирования общественным мнением. Согласно эффекту «спирали молчания», даже если пользователь не изменит собственного мнения, он, более вероятно, уже не выскажется в поддержку мнения, которое окажется в меньшинстве или не захочет вступать в Интернет-обсуждение, чтобы избежать неприятных впечатлений.

2.Заказной троллинг предусматривает уничтожение нормального функционирования Интернет-форума или отдельной дискуссии через создание невозможной для общения атмосферы, дискредитации определённой идеи, отпугивания аудитории ресурса. Страницы«клоны» / «фейки», создание страниц «искусственных» личностей в социальных сетях. Спецслужбами многих стран используется технология распространения информации через аккаунты несуществующих людей. Поддельные страницы реально существующих людей и организаций, Интернет-СМИ (или подобные им) также применяются для технологии «управляемого хаоса», подбрасывания дезинформации, использования ресурса доверия реальных людей/организаций и, вероятно, их дискредитации.

3.Размещение «вирусных» материалов на YouTube и других видеои фотохостингах. Позволяет эффективно распространять определённый

контент. Ярким примером здесь могут быть демотиваторы и мотиваторы на политическую тематику. В случае, если соответствующий материал является достаточно остроумным, он хорошо запоминается и вызывает желание поделиться ним через всемирно доступную «стену» или через личную переписку.

Технологиями, рассчитанными на смену и формирование общественного мнения, также являются размещение материалов там, где их увидит максимальное количество целевой аудитории: на «топовых», то есть, самых популярных ресурсах (сайтах, страницах соцсетей и т.д.); поднятие поста в блогах в «топ» самых популярных за счёт большого количества комментариев или размещения оплаченного материала «топовыми» блогерами; «выведение в тренды» (то есть самые популярные) хештегов в сервисе микроблогов Twitter.

Отдельно надо отметить влияние на общественное мнение в Интернете через цензуру (например, блокирование сайтов в определённых странах). Политика Интернет-ресурсов также осуществляется через режим модерации комментариев, блокирование определённых участников. Инструментом влияния на общественное мнение выступают страницы чиновников, политиков, государственных структур, партий и общественных организаций в социальных сетях (а также их сайты вне социальных сетей), блоги политиков и чиновников.

Итак, особенностью конституирования порядка посредством Интернета является то, что влияние на людей осуществляется не только через деятельность Интернет-СМИ, но и через влияние «индивидуальных» акторов, которые выходят на уровень общения с конкретным индивидом: -комментарии и информационные материалы от конкретных пользователей и блогеров, Интернет-дискуссии, взаимодействие в социальных сетях, сервисах Веб 2.0, использование того, что неформальное высказывание обычного человека подсознательно вызывает большее доверие, чем информация от «безликой» организации.

Особенно важным является исследование модели распространения информации в социальных сетях. Последние вместе с сервисами

микроблогинга, блоговыми площадками, сервисами Веб 2.0 для распространения видео и фото становятся источником развития гражданского общества и публичной сферы, но одновременно стали и полем информационной войны.

Социальные сети и Интернет-медиа развивали модель обмена информацией – «многие – многим», что позволяло оперативно обмениваться информацией без контроля государственных структур. Это давало не только информационные ресурсы, но и позволяло координировать усилия для решения самых разнообразных задач. Обратной стороной свободы в Интернете стало то, что модераторы пабликов в социальных сетях не несли ответственности за распространение откровенно ложной или противозаконной информации.

Отдельным феноменом социальных сетей стало то, что часть пользователей, не используя традиционные СМИ, ограничивалась той информацией, которая попадала к ним со страничек «друзей». Через Интернет происходит воздействие на общественное мнение, организация людей для действий оффлайн, сбор разведанных и т.д. Новые механизмы манипуляции общественным сознанием и пути подрыва информационной безопасности общества, использование Интернета для организации революционной и военной деятельности ставят вопрос о необходимости выработки мер противодействия для обеспечения международной безопасности.

Таким образом можно заключить, что Интернет-пространство уже оказывает крайне высокое влияние на современную социальную реальность, не только стоя вне государственных порядков но и будучи способный трансформировать их самих. Думается, что в будущем влияние Интернета на общество будет расти не только в этом направлении, но и в других. Модели социальных взаимодействий, порождаемые сетью, успешно проецируются на привычную социальную реальность. Как уже было сказано ранее, пространство виртуальности не ограничивается Интернет-средой. Современное общество охвачено плотной беспроводной сетью, доступ к

которой позволяет определить точное местоположение человека и то, чем он занят в каждую отдельно взятую минуту. В связи с этим возникает риск складывания общества паноптикума⁹³, как назвал бы это Мишель Фуко или общества всеподнадзорности как можем это назвать мы. В одних случаях подобная слежка будет вестись по обоюдному согласию, оказываясь взаимовыгодной. В других случаях она обернется тем, чего так боялись Оруэлл и другие антиутописты. Такие перспективы кажутся фантастическими, но, тем не менее, они вполне вероятны, если учесть современный уровень развития коммуникационной и информационной сферы.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги касательно трансформации правопорядка в Интернет – пространстве. С тех пор, как пользование Интернетом приобрело относительно массовый характер и он перестал рассматриваться как что-то несерьезное, начались определенные попытки правового регулирования данного пространства. В области правового контроля Интернет – пространства существует два основных сценария – приведение Интернет – пространства в соответствие с реальным позитивным правом той или иной страны, т.е. запрет на фактическое нарушение закона в Интернет – пространств; и упредительный контроль, запрещающий в Интернете все, что гипотетически может привести к нарушению закона.

Тем не менее, в вопросе правового регулирования Интернет – среды на данном этапе остается больше вопросов, чем ответов. Тот факт, что Интернет является глобальным феноменом, и значит, не может быть сведен к правовой системе одного конкретного государства требует существенного развития международного законодательства в этом отношении. В противном случае киберпространство и социум ждут крайне интересные трансформации от распада Интернета на локальные сети до формирования субИнтернет – сети, которая вовсе окажется вне возможности всякого правового регулирования.

Впрочем, возможен и обратный сценарий. Поскольку как было убедительно показано, Интернет способен трансформировать социальную

⁹³ Фуко, М.

реальность, вполне возможно, что пользовательское сообщество в недалеком будущем станет основным органом гражданского общества, а правовые нормы в оффлайновом пространстве будут задаваться посредством Интернет-пространства.

Заключение

Интернет крайне плотно вошел в нашу жизнь и современные общественно-политические процессы совершенно невозможно представить без их отражения в киберпространстве. Однако, по мере роста того влияния, которое оказывает Интернет на социальные процессы закономерно актуальным становится вопрос о внедрении в Интернет-пространство правопорядка. Порядок является одной из самых древних философских категорий, которая может пониматься в совершенно разном смысле. В настоящей работе мы намеренно не затрагивали онтологическое основание порядка в современной философии в том варианте как его, например, понимает современная синергетика, сосредоточившись на понятии социального порядка, которая более отвечает задачам настоящего исследования. Исследовав реальный правовой опыт регулирования Интернет-пространства при помощи инструментарий социального и правового порядка, можно сделать следующие выводы:

1. Категория порядка имеет, по меньшей мере, два измерения развертывания: онтологическое и социальное. Примерно до эпохи Просвещения эти два измерения было крайне сложно друг от друга отделить. Только к началу эпохи Просвещения категория порядка переосмысливается настолько, что порядок начинает мыслиться как то, что создается человеком для эффективного функционирования общества. Практически никто из мыслителей не задавался вопросом порядка как специфической темы для философских изысканий, однако в силу актуальности этой тематике проблема порядка присутствуют в работах многих философов контекстуально.

Категория порядка обычно мыслится в системе бинарных оппозиций, и поскольку настоящее исследование посвящено социально-философской проблематике в своём определении порядка мы больше будем опираться на дихотомию свобода-порядок. Рабочее определение социального порядка, которое может быть предложено для настоящей работы можно

сформулировать так: это система ценностно-нормативных представлений об общественной жизни, выражающаяся в социально значимых действиях членов того или иного общества, а также в системе специализированных органов, целевое назначение которых состоит в гарантировании устойчивости этой системы.

2. В контексте институционального подхода имеет смысл рассматривать институционализацию порядка в трех взаимосвязанных плоскостях: социальном, нормативно-юридическом и политическом. Социальный порядок является отображением неких идей общественного сознания в процессе их применение к реальной жизни с целью обеспечения стабильности и прогнозируемости жизнедеятельности. Источник социального порядка в институциональном обществе обладает двойной природой: с одной стороны нормы социального порядка органами такого социального института как государство, с другой стороны гражданское общество также неотъемлемо выступает в качестве фактора, легитимирующего этот порядок. В отношении общества также необходимо отметить, что вследствие ценностной значимости порядка для представителей многочисленного среднего класса, даже маловероятные угрозы изменению жизненного уклада являются фактором, который может с легкостью склонить людей мысли о необходимости более строгих порядков.

3. Концепция информационного общества и концепция сетевого общества наиболее полно и чётко могут характеризовать современное состояние социального бытия и системы порядка в нём. При этом представляется, что больший акцент следует сделать на концепции информационного общества, анализируя ее с точки зрения коммуникативных возможностей по той причине, что коммуникация накладывает крайне значимый отпечаток на общественную жизнь в целом и систему поддержки порядка в частности. В тоже время одной теории информационного общества недостаточно для характеристики социального порядка по той причине что порядок предполагает наличие определенных взаимосвязей между субъектами, для анализа которых необходимые элементы теории сетевого

общества. Таким образом, хотя концепции информационного и сетевого общества формировались исходя из принципиально разных оснований, эти две теории можно успешно интегрировать и использовать для изучения современного Интернет-пространства и становление социального порядка в нём.

4. Поскольку правовой контроль в сети Интернет является явлением достаточно новым, нельзя не отметить что юридической практики в этой области еще недостаточно. Вопросы правового контроля Интернета в теории, как правило, развиваются по двум основным путям: либо пытаются привести действия в Интернет-среде в соответствии с законодательством, действующим в оффлайн в пространстве, либо пытаются разработать специальные меры правопорядка для Интернета. Одной из насущных проблем, связанных с регулированием Интернет-пространства является определение вопроса юрисдикции того или иного государства: учитывая что Интернет является прежде всего глобальной сетью регулирование правопорядка требуют в нём либо международный нормативно-правовой базы, либо будет закономерно вести к конфликтам между государствами за тот или иной сегмент киберпространства. Еще одним значимым фактором поддержки порядка в Интернет пространстве является позиция пользователей: как нами было показано в предыдущей главе, хотя источником порядка является государство, порядок не реализуем без соответствующей ценностной поддержки со стороны общества. То же правило действует и в Интернет-пространстве: если некоторые правовые нормы, которые государство считает необходимым ввести не разделяются пользователями как необходимые и значимые, они не будут исполняться.

5. Основными рискам в современном влияния Интернет-пространства на социум является возможность формирования альтернативного действующей власти политического дискурса и разложение общественного порядка путем сетевых революций и гибридных войн. В области трансформации правого контроля Интернет-пространства существует два основных сценария – приведение Интернет-пространства в соответствие с

реальным правом страны; и упредительный контроль, запрещающий в Интернете все, что гипотетически может привести к нарушению закона. Тот факт, что Интернет является глобальным феноменом, и значит, не может быть сведен к правовой системе одного конкретного государства требует существенного развития международного законодательства в этом отношении. В противном случае киберпространство и социум ждут крайне интересные трансформации от распада Интернета на локальные сети до формирования субИнтернет – сети, которая вовсе окажется вне возможности всякого правового регулирования. Возможен и обратный сценарий: поскольку как было убедительно показано, Интернет способен трансформировать социальную реальность, вполне возможно, что пользовательское сообщество в недалеком будущем станет основным органом гражданского общества, а правовые нормы в оффлайн пространстве будут задаваться посредством Интернет-пространства.

Дальнейшая разработка тематики порядка в Интернет-пространстве является перспективной для анализа новейших трендов социального развития. В частности, представляет интерес поиск новых оснований формирования гражданственности в Интернет-сообществах и легитимация политического сетевыми средствами. В качестве возможных направлений последующих исследований в русле обозначенной проблематики можно также отметить следующие: изучение предпосылок формирования международного Интернет-законодательства, анализ процессов кибербалканизации, изучение процессов формирования ценностно-правового сознания в Интернет-пространстве.

Библиографический список

1. Аврелий, Августин. О граде Божием. М.: Харвест, АСТ, 2000. 1296 с.
2. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Издательство «Европа», 2011, с. 13-14
3. Акопов, А.И. Глобальное средство массовой информации / А.И. Акопов // Мир медиа XXI. 1999. № 1. С. 43-51.
4. Алексеева, Т.А. Современные политические теории. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 479 с.
5. Аптер, Д.И. Сравнительная политология вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М. Гурвица, А. Демчук, Т.В. Якушева. М.: Вече, 1999. 816 с.
6. Архипов, С.В. Русский дневник Гарольда Инниса. / С.В. Архипов / История и философия культуры: Актуальные проблемы. — Выпуск 7, Владикавказ: СОГУ, — 2004. — с.13 — 30.
7. Бабаева, Ю.Д., Войскунский, А.Е. Психологические последствия информатизации / Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. // Психологический журнал, № 1, 1998, С. 88-100
8. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / Ульрих Бек. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с.
9. Белл, Д., Иноземцев, В. Эпоха разобщенности. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
10. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества. Сокращ. перев. Ю.В. Никуличева // Новая технократическая волна на Западе. Под ред. П.С. Гуревича. М., 1988, 330 с.
11. Беньямин В. О понятии истории. Новое литературное обозрение. – 2000. – №46. С.84
12. Бергсон, А. Два источника морали и религии. Пер. с фр., послесловие и примечания А. Б. Гофмана М.: Канон, 1994. 384 с.
13. Берлин, И. Два понимания свободы // И. Берлин. Философия свободы. М.: Новое литературное обозрение, 2001
14. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос. 2012
15. Битва за Telegram: как мессенджеру Дурова удастся выходить из-под блокировки Роскомнадзора // Афиша-Daily, 18.04.2018. [Электронный

ресурсы] URL: <https://daily.afisha.ru/brain/8672-bitva-za-telegram-kak-messendzheru-durova-udaetsya-vyhodit-iz-pod-blokirovki-roskomnadzora/>

(Дата обращения 17.05.2018)

16. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального.
17. Бодрийяр, Ж. Соблазн / Жан Бодрийяр. М.: Издательский дом «Ad Marginem», 2000. 320 с.
18. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Иммануэль Валлерстайн. М.: Логос, 2004. 368 с.
19. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение / И. Валлерстайн. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. — 248 с.
20. Вернадский, В.И. Лихачев, Д.С. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. Семнадцатый век в русской литературе. — М. Художественная литература, 1988, С. 354
21. Виндельбанд, В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. Т. 1: от Возрождения до Просвещения. / Пер. с нем. Под ред. А. Введенского М. : Гипперборей, 2007. 640 с.
22. Виндельбанд, В. История философии. / Пер. с нем. К. : Ника-Центр, 1997. 560 с.
23. Гесиод. Теогония // Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001. С. 20-51.
24. Гидденс, Э. Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь / Энтони Гидденс. М.: Издательство «Весь мир», 2004. 116 с.
25. Глушенков, А. Стенограмма выступления на конференции «Актуальные проблемы права
26. Гоббс, Т. Левиафан // Т. Гоббс. Собрание сочинений, СПб.: 2006, С. 53
27. Гудин, Р.И., Клингеманн, Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М.Гурвица, А. Демчук, Т.В.Якушева. М.: Вече, 1999. С. 361 - 380.
28. Гуссерль, Э. Избранные труды / Эдмунд Гуссерль / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 464 с.
29. Делез, Ж. Различие и повторение / Жиль Делез. М.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 384 с.
30. Димаджио, П. Дж., Пауэлл, У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в

- организационных полях // Экономическая социология. Т. 11. № 1 (январь). 2010. С. 35 - 56.
31. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждена Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 года № Пр-1895 // Российская газета. 2000. -28 сентября.
32. Документ из серии RFC (Request for Comments). [Электронный ресурс] URL: <https://rfc2.ru/> (Дата обращения 8.01.2018)
33. Жильсон, Э. Дух средневековой философии. / Пер. с французского Г.В. Вдовиной. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. 560 с.
34. Жильсон, Э. Дух средневековой философии. / Пер. с французского Г.В. Вдовиной. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. 560 с.
35. Зазнаев, О.И. Полупрезидентская система теоретические и прикладные аспекты. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. 374 с.
36. Земляновой, Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества / Л.М. Земляновой — М.: МГУ 1999.
37. Зенин, И.А. Основы права. Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права. М.: Юриш, 2013. 184 с.
38. Зотов, В.Б., Бронников, И.А. Информационно-коммуникационные технологии – лейтмотив городского управления // Власть. 2015. № 11. С. 94 - 100.
39. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. 586 с.
40. Калятин, В.О. Проблемы установления юрисдикции в Интернете. «Законодательство», N 5, 2014
41. Кант, И. Основы метафизики нравственности // И. Кант. Сочинения в шести томах. Том 4. М.: Мысль, 1963. С. 211-310.
42. Кассирер, Э. Философия Просвещения. / Пер. с нем. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 400 с.
43. Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

- 44.Кастельс, М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.
- 45.Керимова, Е.А. Правовой институт: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 «Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений» / Е.А. Керимова. Саратов, 1998. 23 с. С. 14
- 46.Кокорхоева, Д.С. Современные исследования институтов политической власти (сравнительный анализ теорий) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2010. Вып. 7 (78). Т. 14. С. 208 – 217.
- 47.Коуэн, Г. Свобода слова и печати: исключения из Первой поправки // Институт проблем информационного права. Серия «Журналистика и право». – 2005. – Вып. 53. – С. 144-193.
- 48.Кропоткин, П.А. Современная наука и анархия / Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. 843 с.
- 49.Ладлоу, П. Криптоанархии, кибергосударства и пиратские утопии. – Екатеринбург: Изд. Ультра. Культура, 2005. 600 с.
- 50.Локк, Дж. Два трактата о правлении. М.: Мысль, 1963. 144 с.
- 51.Лосев, А.Ф. История античной эстетики : в 8 т. Т. 1. Ранняя классика. М. ; Харьков, 2000. 624 с.
- 52.Люди-пауки. Как контролируют Интернет-паутину в разных странах // Российская газета. Федеральный выпуск №5591 (215). – 27.09.2011 (дата). – С. 11.
- 53.Маклюэн, Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
- 54.Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн Киев: Ника — Центр, Эльга.
- 55.Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения / Л.С. Мамут II Общественные науки и современность. 1998. № 6. С. 85-97.

56. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987. С. 72
272 с.
57. Матусевич, В. Социальный институт: функция, генезис, структура / В. Матусевич // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 43-56.
58. Международное право и Интернет: движение навстречу или противостояние? // Центральный научно-исследовательский институт связи, 27.03.2014 [Электронный ресурс]. – URL: <https://zniis.ru/actual/news-industry/internet/548> (Дата обращения: 25.12.2017).
59. Мейер, Дж., Роуэн, Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал. // Экономическая социология. 2011. № 1 (январь). Т. 12. С. 44 - 67.
60. Мелетинский, Е.М. Мифологический словарь / Е.М. Мелетинский М.: Сов. Энциклопедия, 1991. 547 с.
61. Мельник, М.В., Пантелеев, А.С., Звездин, А.Л.. Ревизия и контроль: учебник. М.: КНОРУС, 2006. 640 с.
62. Мережко, А. Социология права Н.С. Тимашева : моногр. / А. Мережко. Одесса : Феникс, 2012. 240 с. С. 133
63. Мечников, Л.И. Цивилизация и великие исторические реки, М.: Мысль, 2006
64. Моисеева, А. П., Мазурина, О. А., Перепелкин, О. А. Виртуализация как социальная трансформация и коммуникация // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 316. № 6. С. 141-146
65. Мэмфорд, Л. Миф машины. Утопия и утопическое мышление», М., 1991, С.79-97
66. На сколько снизились просмотры телеграм-каналов за месяц блокировки // The Village, 16.05.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.the-village.ru/village/business/news/312347-telegram> (Дата обращения 17.05.2018)
67. Наумов, В.Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики. М.: Книжный дом «Университет», 2012. 432 с.
68. ООН признала доступ в Интернет базовым правом человека // Лента.ру, 07.06.2011 [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/news/2011/06/07/basicright/> (Дата обращения: 25.12.2017).

69. Орлов, М. О. Социальная динамика; философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Орлов Михаил Олегович. Саратов, 2009. 306 с.
70. Паламарчук, А.В. Регулирование правоотношений в сети Интернет в зарубежных странах // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 6(32). – С. 24-32.
71. Панов, П.В. Институционализм(ы): Объяснительные модели и причинность // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 39 - 55.
72. Перезолова, А.С. Городские электронные референдумы: опыт проекта «Активный гражданин» // Власть. 2015. № 2. С. 108 - 113.
73. Питерс, Б. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М. Гурвица, А. Демчук, Т.В. Якушева. М.: Вече, 1999. С. 218 - 234.
74. Поппер, К. Открытое общество и его враги. В 2 Т. М.: Феникс, 1992. 448 с. + 448 с.
75. Радаев, В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 3. С. 109 – 130.
76. Рассел, Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М. : Академический Проект, 2009. 1008 с.
77. Роскомнадзор объявил о начале блокировки Telegram в России. [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/36408-roskomnadzor-obyavil-o-nachale-blokirovki-telegram-v-rossii> (Дата обращения 17.05.2018)
78. Роскомнадзор требует удалить Telegram из всех магазинов приложений // Риа-новости, 16.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/society/20180416/1518730557.html> (Дата обращения 17.05.2018)
79. Ротстайн, Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: Новые направления / под ред. Р. Гудина, Х-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М. Гурвица, А. Демчук, Т.В. Якушевой. М.: Вече, 1999. С. 149 - 179.

80. Руссо, Жан-Жак. Об общественном договоре. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 59
81. Сморгун, Л.В. Сравнительная политология: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2012. 448 с.
82. Социальный порядок // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
83. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. N Пр-212 // Федеральный выпуск №4591. – 16.02.2008 (дата). – С. 5.
84. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. N Пр-212 // Федеральный выпуск №4591. – 16.02.2008 (дата). – С. 5.
85. Тоффлер Э. Шок будущего / Элви Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 557 с.
86. Украинские Интернет-тролли начали информвойну против России // Известия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/583463> (Дата обращения 17.04.2018)
87. Устьянцев, В. Б. Риски глобализации в жизненном пространстве России и Китая / В. Б. Устьянцев // Традиции России и Китая в глобализирующемся мире (опыт анализа культурно-философского процесса). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2012. С. 139-143.
88. Устьянцев, В.Б. Проблема становления социального / В.Б. Устьянцев. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. 174 с.
89. Уэбстер Ф. Теории информационного общества/ Фрэнк Уэбстер, пер с англ. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
90. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002 2010 годы)», утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 // Документ не опубликован;
91. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 28 декабря 2013 г. № 398-ФЗ.
92. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ.
93. Федеральный закон «О связи» от 07 июля 2003 г. № 126-ФЗ.

94. Фролова, С.М. Коммуникации как зеркало повседневного бытия // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2013. №2 (20). С.155–159. С. 155
95. Фуко М. Археология знания. СПб : Гуманитарная Академия, Университетская книга, 2004. 416 с.
96. Хабермас Ю. Модерн незавершенный проект / Юрген Хабермас // Политические работы. М., 2005. С. 7–32.
97. Хасс, Дж. Социологический неоинституционализм и анализ организаций (предисловие к разделу) // Вестник Санкт Петербургского университета. Сер. 8, Менеджмент. 2007. № 3. С. 112-125.
98. Чанышев, А.Н. Философия Древнего мира. М. : Высш.шк., 1999. 703 с.
99. Чернобай, А.И. Роль социальных сетей в мобилизации протестных настроений на Ближнем Востоке и в Северной Африке в январе-марте 2011 года. Идеологические аспекты военной безопасности, 2011, №1, С. 40–47.
100. Шмитт, К. Политическая теология: Сборник. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2000, С. 15
101. Штомпка П. Социология социальных изменений / Петр Штомпка. М.: Аспект Пресс, 1996. 415 с.
102. Яковлев, И.П. Основные теории коммуникации / И.П. Яковлев — СПб.: Институт управления и экономики, 2001. С. 25
103. Albert, R., Barabasi, A. 2002. Statistical mechanics of complex networks// Reviews of Modern Physics 74: 47-97. [Электронный ресурс]. URL: barabasilab.com/pubs-clpxnets.php (Дата обращения 30.03.2018)
104. Barabasi, A., Ravasz, E., Vicsek, T. 2001. Deterministic scale-free networks// Physica A 299: 559–564. URL: barabasilab.com/pubs-clpxnets.php (Дата обращения 30.03.2018)
105. Boguta, K. 2011. Computational History: Visualizing The New Arab Mind. [Электронный ресурс]. URL: kovasboguta.com/1/post/2011/02/first-post.html (Дата обращения 30.03.2018)
106. Bommarito, M. 2011. Dataset: 5 Days of #25bahman. [Электронный ресурс]. URL: michaelbommarito.com/blog/2011/02/15/dataset-5-days-of-25bahman/ (Дата обращения 30.03.2018)

107. Fountain, J.E. Building the virtual state: Information technology and institutional change. Washington, DC: Brookings Institution. 2001. 88 p.
108. Giddens, A. The consequences,of modernity / A. Giddens. Cambridge, 1990.175 s.
109. Innis, Harold A. Empire and Communications. Toronto: Dundurn Press, 2007. 288 p.
110. Lindley, J. The over-education of UK immigrants and minority ethnic groups: Evidence from the Labor force survey // Economics of education review. – Sheffield, 2009. № 28 – p. 80-89
111. March, J.G. and Olsen, J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // The American Political Science Review. 1984. Vol. 78. No. 3 (September). Pp. 734 - 749.
112. Menhe, D.C. Jurisdiction in Cyberspace: A Theory of International Spaces // Repository. [электронный ресурс] URL: <http://repository.law.umich.edu/mttlr/vol4/iss1/3> (Дата обращения 8.01.2018)
113. Peters, G. Institutional theory in political science: The new institutionalism. London, N.Y., Pinter, 1999. 183 p.
114. Riker, H. William. Implications from the Disequilibrium of Majority Rule for the Study of Institutions // American Political Science Review. 1980. No. 2 (June). Iss. 74. Pp. 432 - 447.
115. Seifert, J.W. and McLoughlin G.J. State E-Government Strategies: Identifying Best Practices and Applications'. CRS Report for Congress. July 23, 2007. 61 p. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/secrecy/RL34104.pdf> (дата обращения: 03.12.2017).
116. Simon. A. Herbert. Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization. 2d ed. New York: Macmillan, 1957. 259 p.
117. Tufekci Z. 2011. Can “Leaderless Revolutions” Stay Leaderless: Preferential Attachment, Iron Laws and Networks. [Электронный ресурс]. URL: technosociology.org/?p=366 (Дата обращения 30.03.2018)
118. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want. 284 p. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (дата обращения: 03.12.2016).

119. Wahba K. 2011. The Egyptian Revolution 2011: The Fall of the Virtual Wall
The Revolution Systems Thinking Archetype. 29th International System
Dynamics Conference, Washington, DC, USA, July 24-28. [Электронный
ресурс]. URL: systemdynamics.org/conferences/current/prelimproceed.html.
(Дата обращения 30.03.2018)
120. Yang, K. Neo-Institutionalism and E-Government: Beyond Jane Fountain //
Science Computer Review. 21(4). 2003. Pp. 232 - 242.
121. Yildiz, M. E-government research: Reviewing the literature, limitations, and
ways forward. // Government Information Quarterly. 24 (3). 2007. Pp. 646 –
665. URL:
<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X07000056> (дата
обращения: 03.12.2016).
122. Zucker, G. Lynne. The Role of Institutionalism in Cultural Persistence // The
New Institutionalism in Organizational Analysis. Ed. by Powell and DiMaggio.
Pp. 83 - 107.